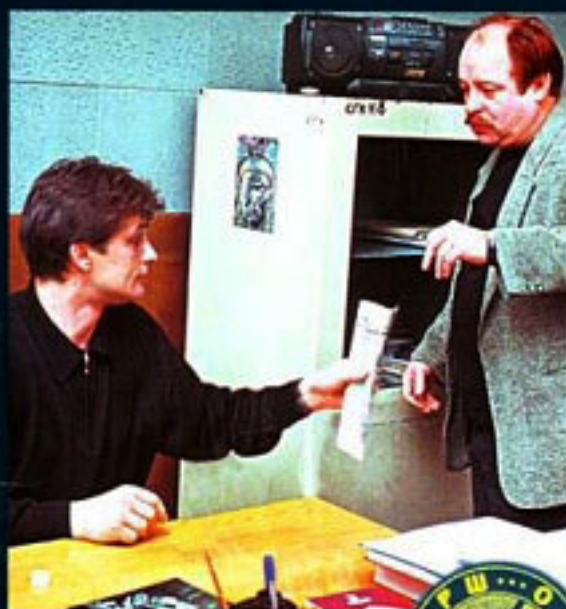

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Миллионщица

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Миллионщица

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Миллионщица / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

В автомобиле на парковке у супермаркета найдена задушенная девочка. В той же машине на переднем сиденье... спал ее отец, один из богатейших людей города. Что же произошло в тот вечер? Сотрудникам милиции выяснить это сразу не удалось, потому что подозреваемый ничего не помнил. Расследование убийства поручается Александру Борисовичу Турецкому, которому предстоит не только найти преступников, но и понять, какова роль супруги миллионера в этом запутанном деле...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Пролог	5
1	9
2	14
3	20
4	27
5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Пролог

Николай Борисович Крылов, старший оперативник одного из ОВД, расположенного в Северном округе города Москвы, после пятнадцати лет беспорочной службы в славных милицеских рядах переносил внешний вид трупов так же плохо, как и в первый день своего появления в одном из отделений все того же САО, именовавшегося в те годы просто районом... Бывает!

Издевка судьбы заключалась в другом: стоило Николаю Борисовичу заступить на очередное дежурство, как именно в его сутки и появлялся на территории ОВД очередной покойник – даже если до этого в округе на протяжении длительного времени царили тишь да благодать. Люди, посвятившие свою жизнь защите правопорядка, далеко не самые суеверные по сравнению с представителями остальных профессий. Однако факты – вещь, как известно, упрямая. А поскольку трупы во время трудовой вахты Крылова действительно появлялись куда чаще, чем в остальные дни, заступать с ним на дежурство коллеги Николая Борисовича не просто не любили, а старались всячески этого избегать.

Вот почему следователь окружной прокуратуры, созвонившийся со своим приятелем из ОВД душным июльским вечером и обнаруживший, что в сегодняшнюю дежурную бригаду входит Крылов, моментально ощутил дурное предчувствие, хотя никогда ни во что не верил. И даже вопреки тому, что по летнему времени обстановка в округе вообще и на территории родного Крылову ОВД в частности была, можно сказать, на редкость благостной. Не выдержав нынешнего душного лета, криминальные элементы, судя по всему, временно передислоцировались поближе к морским побережьям. И даже московские бомжи, имеющиеся на территории округа, вели себя тихо и спокойно: не устраивали ночных разборок с мордобоем и поножовщиной из-за наиболее перспективных помоек и дефицитных подвалов, не лупили до смерти друг друга по башке бутылками из-под самопальной водки.

Тем не менее дурное предчувствие Игоря Коваленко, дежурного следователя прокуратуры, обеспокоило.

– Ну, все! – уныло сказал он в телефонную трубку своему приятелю, «порадовавшему» его известием насчет Крылова. – Так я и знал – конец затишью... А я, дурак, отоспаться мечтал: вчера у жены день рождения был, гости только во втором часу ночи из дома вымелись!

– Да брось ты, – неуверенно произнес его собеседник. – Глупости это все... Кому охота по такой духотище разборки устраивать?

– Твои бы слова – да Богу в уши! – вздохнул прокурорский и положил трубку.

Как выяснилось спустя три часа, Богу в уши слова его приятеля не попали.

Звонок раздался в «дежурке» ОВД в половине первого ночи. В прокуратуре – десять минутами позже. И почти одновременно и там и там прозвучала традиционная команда «Дежурная бригада, на выезд!» и были названы ориентиры: парковка самого крупного в микрорайоне универсама «Радуга», именуемого в простом народе «Яма», поскольку находился универсам по отношению к ближайшему шоссе действительно в глубокой и обширной низине.

Представители прокуратуры и ОВД появились на месте преступления, рядом с приземистой серебристой «ауди», дверцы которой с водительской стороны были распахнуты, почти одновременно. Рядом с машиной, стараясь не смотреть на нее, топтался молоденький парнишка в милицеской форме – представитель патрульной службы, обнаружившей открытую иномарку без признаков какого-либо движения внутри. В свете единственного горевшего на парковке фонаря, напоминающего собой голову легендарной Несси, лицо парнишки отливало бледно-зеленым. Удивляться этому не приходилось.

Игорь Коваленко, успевший за восемь лет работы в прокуратуре навидаться всякого, заглянув на заднее сиденье «ауди», невольно содрогнулся: прямо на него смотрели преис-

полненные смертельного ужаса, неподвижные и уже подернувшиеся мутной пленкой глаза девочки... Девочка была задушена: это следователь определил моментально, без медэксперта, тоже топтавшегося неподалеку в ожидании распоряжений.

Поначалу Коваленко показалось, что и мужчина, сидевший на переднем сиденье, привалившись к пассажирской дверце, тоже мертв. Глянув на его седоватый, подстриженный явно не в дешевой парикмахерской затылок, следователь вновь перевел взгляд на ребенка. И в этот момент мужчина болезненно дернулся и всхрипнул, заставив молча сгрудившихся вокруг машины людей вздрогнуть.

– Валентин, иди сюда! – первым пришел в себя Коваленко.

Эксперт моментально подлетел к «ауди» и, не дожидаясь повторного приглашения, наклонился и прижал пальцами кисть безвольно свисавшей руки мужчины.

– Жив, – негромко констатировал он спустя несколько секунд. – Пульс наполненный, несколько замедленный... Характерный для сильного алкогольного опьянения...

– Отойди-ка... – Коваленко кивнул фотографу и, дождавшись, когда тот завершит свою часть работы, вновь подошел к машине, ловко, не нарушив позы мужчины, запустил руку во внутренний карман его пиджака. На свет были извлечены водительские права и довольно толстый бумажник.

– «Стулов Илья Рудольфович, год рождения...» – прочел следователь вслух, и тут же где-то за его спиной раздался слабый возглас. Коваленко повернулся и, встретившись со взглядом стоявшего в максимальном отдалении от машины Крылова, поморщился при виде его бледной, вымороченной физиономии. – Вы что-то сказали?

– Да... – Крылов натужно сглотнул. – Я знаю его... Его тут все знают... Стулов – владелец универсама... У него целая сеть таких, все называются «Радуга»... Очень богатый человек!

– Только этого нам и не хватало! – с досадой вырвалось у следователя. – Черт бы вас побрал, Крылов!..

Он раскрыл бумажник, и сразу же из-под пластика на него глянуло лицо девочки... Да, той самой, которая смотрела сейчас в никуда, лежа на заднем сиденье машины. Только на снимке девочка была живая, с грустными синими глазами, робкой улыбкой, в нарядной, не вяжущейся со всей этой печалью блузке.

Коваленко задумался на несколько мгновений, потом профессионально быстро перелистал паспорт Стулова. Соответствующая запись, обнаруженная им в ожидаемом месте, гласила: «Марина Стулова, год рождения 1994».

Игорь захлопнул вначале бумажник, потом паспорт. С тоской глянул на фонарь, напоминающий и впрямь какое-то доисторическое животное, в круге света которого стояла обнаруженная патрульными «ауди», и вздохнул:

– Убитая девочка – его дочь... Давайте, мужики, выволакивайте папашу из машины, попробуем растолкать... Приступай, Валентин... А вы, Крылов, что – в гости сюда пришли?! Ну-ка, за дело!..

– Да он сейчас заблует тут все следы, товарищ Коваленко! – фыркнул кто-то из патрульных. Но Игорь, мстительно сверкнув глазами на Николая Борисовича, пропустил реплику мимо ушей, и Крылов, поняв, что на сей раз ему не отвертеться, потащился к машине, изо всех сил стараясь смотреть исключительно на по-прежнему глубоко и беззаветно спавшего бизнесмена.

Как ни старались оперативники, добудиться Илью Рудольфовича Стулова им так и не удалось.

– Ну и что с ним делать будем? – поинтересовался, кое-как вернувший себе дар речи Николай Борисович, которому на этот раз довелось возиться пусть и с мертвецки пьяным, но все-таки живым телом.

– Наручники – и в КПЗ! – хмуро бросил Коваленко.

– Игорь Васильевич, – это подал голос молча работавший до этого момента судмедэксперт, – я бы с КПЗ спешить не стал...

– Это еще почему? От него же водярой за версту тащит!

– Скорее, от его костюмчика, чем от него... – Валентин выпрямился над безвольно лежащим, теперь уже на асфальте, бизнесменом. – Мне лично это больше напоминает отравление, чем опьянение... Учитывая, что господин этот действительно весьма известный человек, но и с учетом данных... э-э-э... обстоятельств, я бы его отправил в СИЗО, в медсанчасть.

Коваленко задумчиво посмотрел на эксперта. Валентину не было еще и сорока, но специалистом он считался не просто хорошим, а очень хорошим, к его мнению стоило прислушаться. Да и фигурант по будущему делу – впрямь мужик непростой. Наверняка со связями, которые, тоже наверняка, задействует моментально, как только очухается. Ну и, наконец, кому нужна лишняя головная боль, особенно если дело в итоге (а так оно наверняка и будет!) у них заберут? Пташкой такого полета, скорее всего, займется горпрокуратура. А то и выше бери...

– Как полагаешь, – поинтересовался Коваленко, – если отравление, то чем?

– Трудно сказать, – спокойно пожал плечами Валентин. – Может быть, действительно алкогольное, а может – и нет. Нужны анализы, хотя полагаться на них я бы тоже не стал...

– Почему? – автоматически спросил следователь, думая уже о другом.

– Потому что сейчас полно всякой дряни, делающей в организме свое черное дело, но следов не оставляющей.

– Ясно... – Коваленко еще раз задумчиво поглядел на спящего Стулова, кажется, даже не почувствовавшего перемещения из-за руля на асфальт, на его безнадежно испорченный дорогой костюмчик и принял решение.

– Что ж, ты спец – тебе и решать. В медсанчасть – так в медсанчасть... Все слышали? В Сокольники сопровождающим поедете вы, Крылов. В качестве напарника вам вполне хватит водителя. Остальные работаем на месте!

Свою часть протокола, описывающую место преступления с указанием топографии, замерами и прочими традиционными деталями, Игорь уже сделал. Наступил черед внести туда под диктовку все того же Валентина предварительные данные судмедэкспертизы.

Прежде чем пристроиться на сиденье распахнутого сорок первого «Москвича», украшенного всеми положенными мигалками и выкрашенного в традиционные милицейские тона с преобладанием канареечно-желтого, Коваленко поинтересовался уже для себя:

– Как думаешь, Валентин, когда ее убили?

– Ну, с учетом температуры трупa и окружающей среды... А также...

– Слушай, давай без этих твоих... деталей, а?

– Убили девочку не менее пяти часов назад, – сухо произнес явно обиженный эксперт. – Возможно, часов восемь-девять...

– Что-о?.. – следователь поднял голову от пристроенного на колене листка бумаги. – Уж не хочешь ли ты сказать, что кто-то среди бела дня – скажем, ее обезумевший папаша – задушил ребенка на людном месте, можно сказать, на глазах покупателей данного универсама?!

– Если позволено, я бы хотел сказать другое: ребенка убили в другом месте. Уж больно аккуратно уложена девочка... Возможно, возили затем в багажнике, например, несколько часов. И наконец, пристроили машину с трупом здесь, на стоянке...

– Неужели отец? – несмело подал кто-то из оперативников голос.

– По пьяни и не такое бывает, – криво усмехнулся Валентин. – А уж верные ответы на вопросы – это, извините, ребята, ваше дело, а никак не мое!..

«Будем надеяться, что и не наше тоже», – тоскливо подумал про себя Коваленко, с точки зрения которого от этого дела за версту нехорошо пахло «висяком». Но вслух он этого, конечно, не сказал. И подавив вздох, вновь склонился к протоколу:

– Давай, диктуй, что там исконно твое-то!

– Что ж, пишите...

Первые лучи солнца как раз сумели разогнать ночной туман, напоминавший в нынешнем году банный пар, когда бригада, возглавляемая Игорем Васильевичем Коваленко, покинула наконец место убийства Марины Стуловой, одиннадцати полных лет от роду, совершенного с особой жестокостью...

1

Июль 1999 года – того самого года, который одни считали последним годом бурного XX века, а другие яростно с ними по этому поводу спорили, – выдался для столицы необыкновенно жарким. Особенно если учесть, что несколько лет до этого он если и баловал чем-то истосковавшихся по синему небу москвичей, то в основном проливными холодными дождями, явно позаимствованными у осени.

Любители мистики, коих успело за постперестроечные годы развестись более чем достаточно, и в этом обстоятельстве усматривали нечто символическое, на всех углах высказывая по поводу и без оно мысль о близком конце света. Самые образованные напоминали менее образованным, что, мол, даже в Библии говорится о том, что последние три лета нашего брэнного и грешного мира будут отличаться адской жарой, а зимы, напротив, страшным холодом...

Ни в конец света, ни в какие иные страшные пророчества Лара Широбокова не верила. Как выражалась она сама, если в ее присутствии заговаривали обо всех этих мистических ужасах, верила она в Закон и Правопорядок – как и положено, собственно говоря, судье Московского районного суда. Человеку в определенной степени публичному, а следовательно, обязанному не поддаваться суевериям. По протоколу...

Ну а без протокола – что ж... Только ее ближайшая подружка и коллега Катя Звягинцева знала о том, как однажды после очередного неудачного романа Лара ввиду полного отчаяния по поводу провалов в личной жизни под ее, Катиным, именем посетила популярную в столице ведьму и уплатила приблизительно половину своего судейского оклада, чтобы узнать насчет прочно обосновавшегося на ее очаровательной головке «венца безбрачия». Но об этом Катя никому в жизни не сказала бы и под пыткой, поскольку подруге своей была предана по-настоящему и не меньше самой Лары переживала из-за ее неудач.

Когда-то девушки вместе учились на юридическом, потом, тоже одновременно, устроились работать в один и тот же суд. Только Катя – секретарем, а Лара начала с помощника судьи. Еще в университете никто из однокурсников не сомневался в том, что быстрее и удачнее всех замуж выйдет именно Лара: смуглокожая натуральная блондинка с глазами необыкновенного, почти фиолетового цвета, идеальной фигуркой и веселым, как говорила ее мать, «шебутным» характером. Жизнь, однако, любит парадоксы. И в конечном счете к их с Катей полным двадцати восемью годам замужней оказалась Ларина подружка, толстоватая, обладавшая самой заурядной внешностью, а она сама, по-прежнему яркая, стройная, но несколько подрастерявшая веселость и легкость характера, могла похвастаться только имеющимися в ее арсенале пятью или шестью неудачными романами, «венцом безбрачия» и недавно возникшим конфликтом с их грозной начальницей – председателем суда... Увы!

Председательша, Надежда Петровна Дубинина, с точки зрения девушек, своей фамилии соответствовала целиком и полностью. Редкостная стерва еще советской партийной закваски, она всех своих подчиненных женского пола подозревала, во-первых, в развратном образе жизни, во-вторых (и это было куда хуже!), во взятках... Хотя какие уж такие могут быть особые взятки, скажите на милость, у той же Лары, ведущей исключительно гражданские дела, среди которых процентов девяносто являлись бракоразводными процессами?! Остальное – иски, предъявляемые Мосэнерго и ДЭЗами к неплатежеспособным жителям района... Тьфу!

Ну а сегодняшний день у судьи Ларисы Вячеславовны Широбоковой, кажется, и вовсе не задался. Несмотря на то что самый сложный на ее памяти бракоразводный процесс господ Стуловых наконец завершился. Но, господи, как же он ее раздражал! Особенно эта богатенькая мерзавка, жена, Оксана Ивановна Стулова... Нет, надо же? Обыкновенная пухловатая хохлушка из какой-то там ихней, теперь уже зарубежной (ха!) тмутаракани, заявившаяся в российскую столицу несколько лет назад, и мало того, что ей удалось почти сразу подцепить

удачливого, но, видимо, начисто лишённого мозгов бизнесмена Стулова, пожить в свое удовольствие среди роскоши, так еще, видите ли, и любви захотелось! Да не просто любви, а чтоб и дальше не хуже жилось...

Самое обидное, и тут у этой плебейки все сложилось: новый супруг тоже бизнесмен, тоже удачливый, да и родом из Киева – ее родной хохлацкой столицы!.. Единственный недостаток – судя по всему, дочка от «москаля» ему оказалась лишней, а иначе разве бы согласилась родная мать, даже такая стерва, как эта Оксана, оставить девчонку отцу? Тем более что отец вроде бы не слишком и настаивал. И сколько же нужно иметь наглости бабе, чтобы при этих условиях требовать от бывшего супруга бабки, якобы положенные ей по контракту.

Брачные контракты – дело пока что практически для России новое, а это оказалось к тому же довольно запутанным. Решение можно было повернуть в пользу как супруги, так и супруга. Этим-то и воспользовалась Лара, чтобы «поставить на место» наглую хохлушку, выдав ей по лобешнику за всех их – несправедливо везучих.

Да, бракоразводный процесс ее и впрямь вымотал. И едва завершилось последнее заседание, как Дубина, как звали председательшу между собой они с Катей, немедленно вызвала Ларису к себе. Ничего хорошего от вызовов к начальнице она не ждала и, разумеется, оказалась права!

– Вот что, Лариса Вячеславовна. – Дубинина злобно посмотрела на застывшую возле ее стола судью. – Впредь попрошу вас одеваться на работу скромнее! И желательно – не в столь дорогие тряпки, как это ваше, с позволения сказать, платье!

– Что?! – Лара прямо-таки задохнулась от возмущения. – Дорогие? Да я его на китайском рынке купила!

– Меня не интересует, где вы покупаете свое тряпье! – перебила ее Дубина, но Лара уже завелась с полуоборота и потому не обратила на эту крысу никакого внимания.

– И чем же это оно, с позволения сказать, «нескромное»?!

– Судье не пристало ходить на работу в обтягивающих нарядах и с короткими рукавами! И если вы сами этого не понимаете...

– Эти рукава называются «три четверти», и сейчас обтягивающее носят все, кому это позволяет фигура, независимо от профессии и должности, включая депутатов Госдумы! Может, мне специально для удовлетворения ваших требований еще и в монашеской рясе сюда ходить?!

...Спустя пять минут пунцовая от расстройства Лариса, с трудом сдерживающая слезы, вылетела из кабинета начальницы, едва не сбив с ног поджидавшую ее в коридоре Катю.

– Господи, опять, – подруга подхватила ее под локоть и увлекла в сторону лестничного пролета. – Что на этот раз?

Уж что Катька умела – так это слушать и сочувствовать. А еще всегда находила способ успокоить свою темпераментную подругу. Вот и на этот раз, выслушав Лару, она очень кстати вспомнила, что минуту назад начался обеденный перерыв, и почти силой потащила Ларису в кафешку, к слову сказать, хоть и дорогую, но очень приличную, расположенную напротив здания суда. Сотрудники – ввиду дороговизны – пользовались ею очень редко, исключительно по особым случаям. Но Катьку деньги мало волновали: ее муж был автомехаником, специализировался на иномарках, алкоголь не употреблял вообще и каждую копейку нес в дом – жене и трехлетнему сынишке. И, немного посопротивлявшись, Лара махнула рукой и последовала за подругой.

Здание суда, с его узкими коридорами, тесными душными кабинетиками и до смешного маленькими тремя залами заседаний, было еще и полутемным, поскольку все его окна выходили на север. И выйдя на серое железобетонное крыльцо, Лариса едва не ослепла от яркого июльского солнца, пылавшего в темно-синем послеполуденном небе. Оттого и не сразу увидела ни серебристую «вольво», припаркованную рядом с крыльцом, ни тут же вылезшего при виде нее из машины Стулова. И вздрогнула от неожиданности, когда прямо перед ее лицом,

словно ниоткуда, возник пунцовый, обдавший ее волной восхитительного аромата букет роз на длиннющих стеблях.

– Лариса Вячеславовна! – Темные глаза бизнесмена смотрели на почти что заплаканную Лару с откровенным восхищением. – Я так вам обязан... Простите, благодарить на словах не умею...

– Ох... – Она в первое мгновение слегка отшатнулась от роскошного букета, несомненно стоившего не меньше платья, к которому прицепилась Дубина. – Что вы... Зачем?..

– Вы стоите куда большего! – уверенно произнес Стулов, и Лара впервые за весь этот длинный и нудный процесс посмотрела на него внимательно, без раздражения. На него, и на «вольво» последней модели, и на топтавшегося неподалеку охранника. Легкий ветерок слегка ворошил русые, немного волнистые волосы Ильи Рудольфовича, на круглом, обманчиво простодушном лице сияла улыбка, довольно глубокие морщины, разбегавшиеся вокруг глаз, его совершенно не портили.

«Сколько ему лет? – подумала она. – Не помню... Ах да, кажется, тридцать шесть... Точно, тридцать шесть!»

Она вдруг поняла, что Стулов задал ей какой-то вопрос, и слегка смутилась, поскольку не знала, чего он от нее ждет. К счастью, он повторил:

– Ну очень вас прошу... Нет, умоляю, а не прошу!.. Ресторан можете выбрать сами!.. И даже можете, если вас смущает мое общество, взять с собой вашу очаровательную подругу! – И он расшаркался в сторону Кати, определить которую можно было как угодно, но только не словом «очаровательная». У Катки никогда не хватало не только внешних данных, но еще и умения одеться, даже приличные тряпки смотрелись на ней как рыночные. Ларисе стало смешно, она не выдержала и улыбнулась.

– Вот и славно! – обрадовался Стулов, приняв ее улыбку за согласие. – Я заеду за вами... Скажем, в восемь часов, только скажите куда. Поужинаем там, где скажете! И вас, – он снова поклонился Катерине, – приглашаю тоже!..

– Мне муж не разрешит, – рассмеялась та. – А Лариса – женщина свободная, ей можно. И живет неподалеку отсюда. Во-он тот дом-башня, видите?.. Его в этом микрорайоне отовсюду видно!..

– Может быть, мне все-таки будет позволено вставить хотя бы словечко? – усмехнулась Лариса. – А то, знаете ли, поневоле вспомнишь дурацкую поговорку «без меня меня женили...»

– Не слушайте ее! – перебила на глазах входившая в раж Катка. – У Ларисы в данный момент настроение не слишком – конфликт с начальником. Конечно, она поедет. Ужин в ресторане – это как раз то, что ей сейчас нужно, чтобы прийти в себя. Лара, молчи!

– По-моему, я только и делаю, что молчу! – уточнила Лариса.

– Господи, неужели на свете есть начальники, способные вступить в конфликт с такой дивной женщиной, как вы?

Стулов теперь смотрел на нее с искренним недоумением.

– Ее начальник – женщина, – влезла Катка.

– Ну, тогда все ясно! – Он рассмеялся, продемонстрировав им безупречные белоснежные зубы. И сразу же посерьезнел. – Лариса Вячеславовна, вы можете принять мое приглашение, но можете и не принять, я не обижусь. В любом случае время подумать у вас есть, еще только четверть третьего. Ровно в восемь я буду ждать вас у подъезда вашего дома. Там ведь один подъезд?

Лариса автоматически кивнула.

– Если через двадцать минут не выйдете, ну, что ж поделаешь...

В этот момент во внутреннем кармане его пиджака, имевшего место, несмотря на жару, зазвонил мобильный. И учтиво поклонившись женщинам, он направился к машине и поджидавшему его охраннику, на ходу извлекая телефон.

Лариса и Катерина так и стояли на своем железобетонном крыльце, пока «вольво» не тронулась с места и, постепенно набирая скорость, не исчезла, влившись в поток авто на всегда забитом ими шоссе, проходившем совсем рядом с судом.

– Ларка, это – твой шанс! – Голос у подружки был ликующим. Она больно дернула Ларису за локоть, и та едва не выронила свой роскошный букет. – Понимаешь? Реальный шанс... Я это чувствую, вот увидишь!

– Спятила? – Лариса, стараясь унять взволнованно колотившееся сердце, сказала это нарочито пренебрежительным тоном. – И с чего ты взяла, что я пойду с ним в ресторан?

– Еще как пойдешь! – убежденно произнесла Катя. – Дура распоследняя будешь, если не пойдешь! Ты видела, КАК он на тебя смотрел?..

– Дурочка ты... – Лариса с грустью посмотрела на возбужденную Екатерину. – Мне замуж пора, а не в очередную постель брякаться. А где ж ты видела, чтобы мужик, едва избавившись от одной петли на шее, совал голову в следующую?

– Даже если и не видела нигде, ты создашь прецедент! – важно заявила та. И уверенно добавила: – Мы его окрутим! Тем более что его супружница, по твоим же рассказам, – настоящая стерва, а ты – нет!..

«Стерва! Еще какая стерва! Все мы стервы – только волю дай...» – думала Лариса спустя несколько часов, стоя дома перед распахнутым шкафом в поисках подходящего для похода в ресторан в обществе богатого мужика прикида и отвергала одно платье за другим.

В какой-то момент на нее накатило отчаяние: ничего подходящего среди ее туалетов для подобного мероприятия не нашлось. Она совсем было уже решила плюнуть и остаться дома, дабы не позориться со своими убогими тряпками перед Стуловым (только такой законченной идиотке, как Дубина, они могли показаться слишком дорогими для обычной служительницы Фемиды, не берущей взятки). Но тут взгляд ее упал на бледно-зеленое шифоновое «миди», купленное к нынешнему Новому году и после ни разу ею не надеванное: с ним у Лары увязались весьма неприятные ассоциации. Именно в новогоднюю ночь, когда на ней был этот бледно-зеленый, очень идущий ей шифон, распался самый перспективный из всех прежних Ларисин роман. Распался в момент не только праздничный, но и в момент, когда она была уверена: на этот раз все прекрасно, Игорь (за платье платил как раз он) сделает сегодня долгожданное предложение...

Лара усмехнулась: возможно, это действительно Судьба? И на сей раз ее ожидания в конечном счете оправдаются? Хотя вряд ли... Слишком разительные перемены выпали бы в таком случае на ее долю, а в жизни так не бывает. Во всяком случае, в ее жизни. Ладно! Какая, в сущности, разница? В конце концов, сегодня пятница, сам Бог велел расслабиться и отдохнуть. К шифону вполне можно добавить хрустальные зеленые бусы, очень похожие на настоящие хризолитовые. Без сережек можно обойтись, а с обувью, кажется, все в порядке. Зря мать закатывает ей скандалы за то, что Лариса тратит на туфли и сумочки непозволительные деньги! Вот и пригодился Ларисин бзик: ни разу не надеванные бледно-зеленые босоножки, всего на тон темнее шифона, и такая же сумочка...

...Из подъезда она вышла в пять минут девятого. И по тому, как стремительно, опередив своего охранника, выскочил из машины Стулов, с каким восторгом бросился ей навстречу, поняла, что со своим туалетом не промахнулась ни на йоту: в глазах Ильи Рудольфовича помимо восторга читалось еще и изумление. Не ожидали, господин бизнесмен, что обычная, пусть и хорошенькая судья районного суда может ТАК выглядеть? Что ж... Если Бог даст – то ли еще будет!..

...И Бог на сей раз ей наконец-то дал! Не просто дал – отсыпал щедрой дланью по полной программе.

Надо отдать должное Катке: именно она посоветовала ей тогда забеременеть! И Лариса после долгих колебаний, преодолев-таки свой страх перед вероятностью остаться не просто одной, а еще и с младенцем на руках в их с матерью крошечной хрущобке, решилась.

Спустя пять месяцев после мутного бракоразводного процесса Илья Рудольфович Стулов ввел в свою огромную, на целый этаж элитного дома, квартиру новую красавицу жену. А еще спустя полгода она родила ему долгожданного сына. Юрочку – наследника всей его бизнес-империи, а если и не совсем пока еще империи, то в будущем империи точно! Теперь Илье Рудольфовичу Стулову было ради кого трудиться дальше с еще большим, подлинным энтузиазмом!

Марина – результат предыдущего неудачного брака, ошибки молодости, в счет не шла: вялая, болезненная, она к тому же, если не считать ее ненормальной худобы, была точной копией матери. И такая же по-хохлацки упрямая, частенько – откровенно истеричная. Илья Рудольфович ничего не мог с собой поделать: всякий раз при взгляде на дочь в памяти всплывала стерва Оксана, и он непроизвольно морщился...

2

Так вышло – в полном соответствии с желанием Ильи, – что впервые порог его дома Лариса переступила только после свадьбы. В тот момент она не сомневалась: Илюша просто хотел сделать своей невесте сюрприз, потому и встречались они «на стороне» – в небольшой, но со вкусом обставленной квартирке в Бибирево, которую он называл «служебной». Пояснил ей сразу: жилье предназначено для иногородних партнеров, приезжающих в столицу по делам его фирмы. Вместо отеля... Что ж... Почему бы и не сделать вид, что веришь будущему мужу на слово? На самом деле Лариса не сомневалась, что бибиревская берлога предназначена изначально для тех самых целей, в которых он ее использовал. На здоровье! Ведь и она до встречи с Илюшей ангелом совсем даже не была!

Что же касается сюрприза, он удался вполне. Хотя на самом деле правда стала явной куда позднее, чем в ночь после свадьбы – весьма скромной, исключительно для «своих», хотя и проходившей в роскошном ресторане закрытого клуба, членом которого был Стулов.

Лариса, выросшая в хрущевке-«малолитражке», давно привыкшая обходиться своей не самой завидной зарплатой плюс пенсией матери, отношения с которой у нее едва ли не с детства были натянутыми, почему-то не сомневалась: слухи о роскоши, в которой якобы проживают «новые русские», сильно преувеличены. Русский народ всегда любил слагать о состоятельных, знатных и знаменитых людях всевозможные легенды. И первое чувство, охватившее ее после того, как она переступила порог своего нового жилища, было шоком. Все оказалось чистой правдой!

Вот же он – прямо перед глазами, огромный, наверное, не меньше шестидесяти квадратных метров холл. Описания подобных помещений она раз сто читала в дешевых современных детективах в мягких обложках, которыми изредка отвлекалась от жизни, посмеиваясь про себя фантазии авторов. И все – реально: здоровенный (барана можно зажарить!) камин с позолоченной решеткой, совершенно настоящий. Синее ковровое покрытие, тоже синие, выкрашенные в тон ему стены, бар в дальнем углу, несколько белых с золотом дверей, белоснежная кожаная мебель и легкие, натурального шелка гардины, отделяющие холл от лоджии. И сияющее неподдельным счастьем от ее изумления лицо мужа... Мужа! Владельца всей этой роскоши! Неужели и она теперь тоже владеет этим всем, она, выросшая среди принципиальной убогости?

Ларису вырастила мать, как говорится, «в одни руки». Ирина Ивановна была убежденной коммунисткой, помешанной на «честности» и «принципиальности» – как понимала их сама. Отца девочка не помнила совершенно, а все ее попытки выяснить у матери, кем он был и куда делся, натыкались на ледяной взгляд Ирины Ивановны и крепко сжатые в ниточку губы: «Никогда не спрашивай меня об этом негодяе. Надеюсь, ты не унаследовала от него ничего, помимо внешности!» И весь сказ. Уже будучи взрослой, Лара у дальней родни все-таки выпросила все, что ее интересовало. История оказалась куда менее интересной, чем она думала. Никаких трагедий, если не считать того, что примерно через полтора года совместной жизни Ирина Ивановна выяснила, что ее муж, заведующий складом на каком-то заводе, проворовался.

Что именно он там нахимичил, родня точно не знала, но вроде бы поймали его на чем-то, связанном с цветными металлами. Лариса хорошо представляла реакцию ее «принципиально честной» матери. Даже если бы суд не принял решения о конфискации имущества проштрафившегося отца, мать все равно продала бы все подчистую, чтобы отдать долг государству. Далее, разумеется, последовал развод, оформленный, когда отец уже находился в заключении, получив пятнадцать полновесных лет, поскольку хищение было признано особо крупным. И после продажи того немногочисленного, что еще было, – переезд в убогую «малолитражку». И вся их с матерью дальнейшая жизнь под лозунгом «Бедно, зато честно!».

Новые времена, наступившие в России, мать ненавидела, «новых русских» всех поголовно считала спекулянтами и бандитами. Она и на Лариной свадьбе просидела, сжав по обыкновению губы и не глядя на зятя, которым посмела ее оскорбить дочь, все-таки удавшаяся, несмотря на правильное воспитание, в своего папашу, сгинувшего давным-давно где-то на просторах Севера. Да, даже столь счастливый день мать ухитрилась ей испортить своей кислой физиономией!

Впрочем, Лариса, едва попав в свой новый дом, забыла об этом сразу и надолго, не веря своим глазам и бешено колотившемуся от счастья сердцу. В это мгновение она убедила себя, что действительно любит Стулова и заранее – его дочь, брошенную матерью, которую пока ни разу не видела, и даже няню Велену, о которой только слышала. С Веленой она познакомилась сразу – ровно через пять шагов, которые успела в своем потрясении сделать в сторону камина. Почему-то ей это запомнилось – насчет пяти шагов, хотя помнить подобные детали глупо.

Одна из множества бело-золотых дверей, выходящих в холл, абсолютно бесшумно распахнулась, и навстречу Ларисе шагнула Велена. Странно, но по рассказам Ильи ей представлялось, что няня девочки – старушка. Улыбчивая, полненькая, добрая, чуть ли не в белом платочке, который не снимает даже по ночам. И когда услышала мужнино: «Привет, Велена, я думал, ты давно спишь. Знакомься – моя жена!..», поначалу решила, что ослышалась. И даже оглянулась в надежде обнаружить где-нибудь за собственной спиной представлявшуюся ей старушку.

Никакой бабушки в платочке рядом не оказалось. Напротив Ларисы стояла женщина не старше тридцати с небольшим, высокая, довольно стройная брюнетка с темными глазами, усталым, но приятным лицом, напрочь лишенным косметики. Поначалу вообще-то она рассмотрела ее не очень хорошо, поскольку свет в холле был неярким, горели только бра на стенах, мягко рассеивающие полумрак. Но и при таком освещении Ларисе показалось, что глаза у Велены заплаканные. Впрочем, голос, каким она поприветствовала молодых, звучал тепло и бодро:

– Добро пожаловать, поздравляю вас! – Велена улыбнулась яркими пухлыми губами, какие бывают только у брюнеток, и подошла поближе. – Я так рада, что у Мариши будет еще один близкий человек... Она в этом очень нуждается!

И хотя Лара тогда еще и думать не думала, что Велене предстоит сыграть в ее жизни хоть какую-то роль, не то что роль существенную, отчего-то при этих словах и при виде ее миловидного лица она ощутила в душе неприятный холодок. Всего на мгновение – как мороз по коже пробежал и исчез...

О своем первом впечатлении от Маришиной няни она забудет очень скоро. Куда скорее, чем следовало бы. Ведь почти сразу у нее появится масса оснований испытывать благодарность к женщине, взявшей на себя не только заботы о девочке, оказавшейся очень тяжелым ребенком, но и основную часть хлопот по огромному дому, с которым Лариса в одиночестве не справилась бы ни за что – несмотря на еще двух приходящих работников: кухарку и уборщицу. Или, как называли ее здесь, «горничную». Ну а затертую до дыр истину о том, что человек очень быстро привыкает к «хорошему», Ларисе предстояло узнать теперь на собственном опыте: привыкает, правда, не то слово. Лучше и точнее сказать – начинает воспринимать как должное, а в итоге и вовсе перестает замечать – чаще всего до поры до времени. Пока не произойдет нечто, влекущее за собой угрозу это «хорошее» потерять раз и навсегда, возвратившись в прошлое, которое давно уже считаешь чем-то из области мрачных кошмаров, имеющих обыкновение мучить тебя во сне.

Если кто и был счастлив за Лару так же, как она сама, – так это, конечно, Катя. Верная и преданная Екатерина, оказавшаяся действительно и верной, и преданной! Напрочь разбивавшая одним своим существованием ходульное представление о непрочности женской дружбы.

Когда спустя примерно неделю после свадьбы Катька приехала к Ларисе в гости и та повела ее по Стуловской квартире, которую уже начала понемногу осознать и своей тоже, на лице подружки, к слову сказать, абсолютно не умеющей лгать и притворяться, сияло выражение подлинной радости и даже счастья за «любимую Ларочку». Омрачилось которое какой-то явно тревожной мыслью только после визита в детскую.

Собственно, детская состояла из двух комнат: игровой и спальни, в которой вместе с Маришей ночевала и Велена. Когда подружки, вежливо постучавшись, вошли в игровую, они застали там вполне идиллическую картину: Велена с девочкой сидели вдвоем в одном кресле, на коленях у няни была открыта большая яркая книжка с картинками, которую она читала своей воспитаннице вслух... по-французски!

Не только Катя, но и Лара, еще не знавшая о столь разностороннем даровании Велены, изумленно уставилась на нее и на свою пятилетнюю падчерицу – худого и, как успела обнаружить Лариса, сердитого ребенка, очень тяжело идущего на контакт с чужими людьми. Во всяком случае, ее попытки пообщаться с Маришей пока ни к чему не привели. Всякий раз, как Лара наведывалась сюда, решив пообщаться с девочкой, падчерица упрямо сжимала маленькие пухлые губенки, бросалась к своей няне и утыкалась личиком в ее колени, не желая даже видеть «тетю Ларису». При этом Велена явно чувствовала себя виноватой, хотя не понятно, в чем именно. Глядела на Лару умоляюще-извиняюще (другого определения не подберешь!), и голос у нее становился тоже умоляющим:

– Простите ее, она постепенно привыкнет... Наша Марочка вообще-то ведь хорошая девочка, да?.. – вопрос адресовался «Марочке».

– Нет! – глухо вопила Марина, еще глубже зарываясь в колени своей няни. – Похая!..

Несмотря на то что ей уже исполнилось пять, говорила она все еще не слишком правильно.

– Неправда, Марочка... – Тонкие пальцы Велены зарывались в кудрявый русый затылок Марины, а глаза вновь умоляюще возвращались к растерянн стоявшей посреди игровой мачехе. – Она очень много болела прямо с пеленок, вот и выросла дичком. Но постепенно обязательно привыкнет...

– У нее какое-то хроническое заболевание? – спросила Лариса, чтобы хоть что-нибудь сказать, а не стоять с глупым видом посреди комнаты, качая головой, как цирковая лошадь.

– Не то чтобы... – вздохнула Велена, поправляя выбившуюся из прически прядь. – Повышенное внутричерепное давление, а от этого слабые нервы, излишняя впечатлительность и ранимость. Иногда – рассеянное внимание...

– Вы что же с ней – с самого рождения?

– Почти... Я пришла в дом, когда Марочке был всего месяц. Оксана никогда ею особо не интересовалась, – добавила она и вовсе шепотом, а Лариса сочувственно кивнула и пристально посмотрела на няню. Велена была для нее загадкой: вполне молодая женщина, вместо того чтобы устроить свою собственную жизнь, посвящает ее чужому ребенку и чужому дому. И ведь симпатичная женщина! В глазах тех, кому нравятся не блондинки, как Стулову, а брюнетки, она должна выглядеть почти красоткой. Особенно если хотя бы раз в жизни воспользуется косметикой. Неужели ничего, кроме как нянчиться с детьми, эта женщина не умеет?

И вот теперь, войдя в игровую с Катей, она обнаружила, что умеет! И еще как: конечно, текст в детской книжке простой, но сама раскованность, с которой Велена читала, а главное, произношение. Вот так сюрприз! Пора задать свои вопросы Стулову! Видимо, то же самое относительно Велены подумала и Катя.

Когда они покинули детскую и вернулись в еще не обжитый, но уже дорогой ее сердцу Ларисин будуар, смежный со спальней супругов, выражение тревоги на Катькином личике стало отчетливее. И она как-то рассеянно восхитилась подаренным Ильей к свадьбе дорожным комплектом из настоящих изумрудов – перстень и серьги, – который Лариса извлекла на

свет. Катя явно думала о чем-то другом. Выспрашивать, о чем именно, Лара не стала – сама скажет. И Катя действительно заговорила.

– Шикарно! – она повертела перстень в руках, глядя на него невидящим взглядом. – Слушай... Может, я и дура, но эта самая ваша Велена, по-моему, та еще штучка!

– Почему? – прищурилась Лариса.

– Во-первых, красивая баба, во-вторых, образованная. И вдруг в няни... Нет, это не просто так!

– Что ты имеешь в виду?

– А что тут можно иметь в виду, кроме того, что такая женщина может влезть в дом богатого человека исключительно с одной-единственной целью!

– Охмурить хозяина? – усмехнулась Лариса. – Но ей, как видишь, это не удалось даже после его развода. А иначе – откуда тут взялась я?! Кроме того, она с Илюшей разговаривает только что не на «вы» и вообще... Словом, почтительно!

– Ну, не знаю... А вдруг это такая... такая вечная односторонняя любовь?..

Теперь Лариса расхохоталась уже от всей души:

– Катька, когда ты, наконец, повзрослеешь и перестанешь принимать твои любимые женские романчики за настоящую жизнь?! Где это ты видела в реальной действительности, в наше циничное и прагматичное время романтические «чувства»? Ох, тебя бы на должность судьи по «гражданке», вмиг бы поняла, какую пургу сейчас несешь. Уж я-то насмотрелась на эту твою романтику в действии, на бракоразводных процессах она самая из всех щелей прет!

– У нас на уголовных – тоже, – упрямо возразила Катя, которая всегда сердилась, если ее упрекали в любви к женским романам. – Но ведь бывают же и исключения!

– Исключений не бывает! – твердо сказала Лариса. – В любом случае, если эта мадам преследовала такую цель, сейчас-то она уж точно убедилась, что по части Стулова ей ничего не светит.

– Вот и я о том же, – кивнула подруга. – Будь с ней осторожна, не понравилась она мне с первого взгляда, а первое впечатление всегда самое верное!

Екатерина вообще любила повторять вслух банальные истины, ничуть их банальностью не смущаясь.

– Я бы на твоём месте постаралась у Стулова выяснить о ней все, что можно! – завершила она тему и наконец всерьез занялась изумрудями.

...Выяснить о Велене все, что возможно, Лариса и сама собиралась, она сделала это на сей раз безотлагательно, за ужином, который накрыла не в столовой, как здесь принято, а на кухне, где ей было уютнее.

Было уже около одиннадцати вечера, Стулов, как выяснилось, возвращался домой куда позже, чем она ожидала: его рабочий день не заканчивался, как у всех нормальных людей, к семи вечера. И даже к одиннадцати, как сегодня, завершался тоже не всегда. За несколько недель, прошедших со дня свадьбы, раза три Илья появлялся дома после полуночи и, обнаружив беспокойно ходившую по спальне в ожидании мужа Ларису, пояснял, почему волноваться за него не нужно: чтобы сохранить, а главное, приумножить свой бизнес, любому хозяину фирмы зачастую приходится трудиться сутками.

– Тебе, наверное, скучно одной, Солнышко? – ласково поинтересовался Илья.

– Что ты! – искренне возразила Лариса, которая и вправду не скучала: после работы под началом Дубины она, во всяком случае в данный момент, воспринимала свое нынешнее положение как отпуск...

– Ну, тогда не страшно, – улыбнулся муж. – Чуть позже я познакомлю тебя с нашими дамами. Развлечешься в их обществе!

– С какими дамами?

– С женой моего партнера Сергея, например, – хохотнул он. – Она очень энергичная особа и, хотя нигде не работает, утверждает, что ей не хватает в сутках времени.

– Ой, не надо! – испугалась Лариса, которая неважно сходилась с новыми людьми, особенно с «энергичными». И они с Ильей посмеялись вместе.

Ну а тогда за ужином она наконец задала свой вопрос насчет Велены. Илья ответил – даже обстоятельнее, чем мог бы и чем она ожидала.

– Тебя удивляет сама Велена или ее работа? – Он прищурился и, отодвинув от себя тарелку с недоеденной отбивной, достал сигареты.

«Нервничает...» – отметила про себя Лариса и впервые насторожилась всерьез.

– Наверное, не удивляет, а интересуется – и то, и другое. Должна же я знать, с кем сосуществую под одной крышей?

Илья не торопясь закурил, затянулся, выпустил дым в потолок и только после этого продолжил:

– Видишь ли... Велена фактически моя дальняя родственница. По матери.

– Что значит – фактически? – тут же уточнила по своей судейской привычке Лара.

– Она дочь ее покойной подруги. Подруга была какой-то чуть ли не четвероюродной сестрой, а мама к тому же Велену крестила... В общем, они были очень близки. Можно сказать, хотя я на пять лет ее старше, Велена выросла у нас в доме, она очень любила мою мать.

«А тебя?.. Тоже любила?!» – подумала Лариса, но вслух ничего не сказала. Господи, а вдруг на этот раз Катька окажется права? Только этого ей и не хватало!

– За год до моей женитьбы, – продолжил между тем Илья после очередной затяжки, – Велена вышла замуж. У них с Сашкой родилась дочка. Сашка, между прочим, был моим близким другом. У него имелся свой бизнес – так же, как у меня, но занимался он, можно сказать, прямо противоположной сферой деятельности.

– Это как?

Илья усмехнулся:

– А вот так: я, как тебе известно, торгую продуктами, а у Сашки была целая сеть первых в России платных туалетов, потом – первых биотуалетов...

– Была?..

– Его убили, – просто ответил муж. – Подорвали машину, в которой он находился вместе с дочкой. Велена тоже должна была там быть, но она что-то забыла взять с собой из дома и вернулась. В тот момент, когда вошла в подъезд, Сашка завел движок и машина взорвалась. Это было пять лет назад...

Лариса тихо ахнула и извечным бабьим жестом прикрыла губы ладонью.

– Я, – продолжил Стулов, глядя куда-то мимо жены, – забрал ее к нам. Оксана после родов заболела, большую часть времени проводила в постели то дома, то в клинике. Ухаживать за ребенком оказалось некому. В каком состоянии находилась Велена – думаю, и сама понимаешь, оставлять ее одну, да еще и без определенных занятий, было нельзя. Думаю, Марина вытащила ее если и не с того света, то, по меньшей мере, помогла избежать Кашенко...

– А что стало с фирмой твоего друга? – Лариса поежилась.

– Велена ее продала за полцены. Заниматься таким бизнесом она не могла – не та профессия, не тот интеллект. Она по образованию переводчик.

– С французского... – автоматически добавила Лариса.

– Не только. У нее три языка – еще испанский и английский.

– Значит, у нее есть и образование, и деньги, – подвела Лариса итог. – Но она осталась здесь...

– Да, – кивнул Стулов, и во взгляде его мелькнуло что-то жесткое, чего до сих пор Лариса у мужа не наблюдала. – Она осталась, потому что это теперь и ее дом, потому что Марина на

самом деле еще не подросла и потому, наконец, что этот ребенок – ее единственная привязанность к жизни на сегодняшний день.

«Читай, – подумала Лариса, – если у тебя, дорогая женушка, есть в данной связи какие-то претензии, можешь забыть о них раз и навсегда! Велена если и уйдет отсюда, то исключительно тогда, когда захочет сама... По ней не видно, что она хоть когда-нибудь этого захочет... Словом, здравствуй, первое пятнышко на ясном солнышке моего семейного счастья! Или даже не пятнышко, а целое пятно, огромное и уродливое? Поживем – увидим! Мы, черт возьми, тоже не лаптем деланы!»

– Что молчишь? – поинтересовался Илья, и в голосе его Лариса уловила напряжение.

– Просто не знаю, что сказать. – Она подняла на мужа глаза. – Я настолько потрясена... Как она вообще сумела пережить такое горе!

– Велена – сильный человек, – Ларисе показалось, что Илья сказал это с облегчением. – Я очень надеюсь, что вы с ней подружитесь.

Он поднялся из-за стола и, не глядя на жену, затушил докуренную до фильтра сигарету.

– Куда ж мы денемся? – Лариса заставила себя беспечно усмехнуться. – Тем более – живя под одной крышей?!

– Только из-за этого? Из-за одной крыши?

– Не знала, что ты такой подозрительный! – Лара состроила удивленную гримаску, которая – она знала это – ей очень шла. – По-твоему, ты женился на бесчувственном чурбане?

– Ну уж на бесчувственную ты похожа меньше всего! – Он оттаял мгновенно и тут же привлек Ларису к себе, и она податливо прильнула к мужу всем телом.

«Катка бы сейчас наверняка сказала что-нибудь вроде „ночная кукушка все равно перекует“, – мелькнуло у нее в голове. – Что ж, возможно, возможно... Во всяком случае, все сделаю, чтобы действительно „перекуковать“...»

Версию, предполагающую, что Велена и Илья, во всяком случае до ее появления в жизни Стулова, были любовниками, она отмела сразу. Но никакого облегчения от этого почему-то не почувствовала. И кто знает, останься и впредь она постоянной в своих антипатиях к Велене, возможно, все сложилось бы иначе и жизнь потекла бы совсем по иной колее?

Ответа на этот вопрос у Ларисы не было ни тогда, ни позднее, просто потому что она им никогда не задавалась...

3

Денис Грязнов, владелец и руководитель ЧОПа «Глория», давно уже завоевавшего в столице и даже за ее пределами весьма солидную репутацию, терпеть не мог лето. С одной стороны, мертвый сезон, чреватый резким сокращением числа клиентов, следовательно, вполне можно отдохнуть по-человечески на каком-нибудь Кипре, а то и на Сейшелах. С другой – фиг уйдешь в отпуск, поскольку ценящиеся в данный момент на вес золота клиенты могут неожиданно объявиться в любой момент. Тот факт, что от «мертвого сезона» страдала не только «Глория», но вообще все московские фирмы и фирмочки от мала до велика, почему-то не утешал.

В такие моменты Денис даже завидовал своему дядюшке, возглавлявшему Первый департамент МВД России, занимающийся «особо важными» делами. Во-первых, и «Глория» частенько вынуждена была заниматься помимо всего прочего теми же «особо тяжелыми», не только охраняя своих клиентов, но и расследуя обстоятельства, в силу которых охрана понадобилась. При этом дядюшкина зарплата ни от каких сезонов – ни мертвых, ни оживленных – не зависела. Во-вторых, именно он – Вячеслав Иванович Грязнов, надумавший когда-то из принципиальных соображений уйти из органов, создал ЧОП. А потом, поддавшись на уговоры своего давнего друга, ныне старшего помощника Генерального прокурора РФ Александра Борисовича Турецкого, возвратился на службу, «осчастливив» «Глорией» племянника...

Ну а нынешнее лето, которое начиная с июня превратило столицу в филиал финской бани, и вовсе, можно сказать, лишило «Глорию» клиентов: почти двухнедельный простой – такого у них не было уже давно! И тем не менее Денис и основная часть его сотрудников продолжали ежедневно собираться в своем офисе на Неглинной с завидным упорством, и Грязнов-младший, с тоской поглядывая на подчиненных, мысленно пытался вычислить, сумеет ли он выплатить им на этот раз зарплату вовремя... Вот в момент как раз таких сложных умственных операций и ожил, наконец, впервые за несколько дней его мобильный телефон, по которому Денис держал связь исключительно с клиентами.

Мысленно перекрестившись, руководитель «Глории» включил связь.

– Грязнов слушает...

– Здравствуйте, Денис Андреевич, – прозвучал мужской голос, приятный, но напряженный от волнения баритон. – Могу я с вами встретиться?

– Представьтесь, пожалуйста, – попросил Денис.

– Простите... Илья Рудольфович Стулов, бизнесмен... У меня...

– Очень приятно, – перебил его Денис, не доверявший никаким телефонам, в том числе мобильным. – Я думаю, сам факт того, что вы звоните мне, свидетельствует о том, что у вас проблема, обговорить которую удобнее при личной встрече...

Последовала небольшая пауза, во время которой его собеседник, видимо, оценивал услышанное.

– Вы правы, – наконец произнес он. – Могу я к вам подъехать? Понимаю, вы человек занятой, но у меня...

– Хорошо, подъезжайте, – снова остановил его Денис. – Как раз сейчас у меня «окно»... Записывайте адрес...

Несмотря на затейливое имя-отчество, Илья Рудольфович Стулов обладал сугубо славянской внешностью: круглое и, вероятно, при других обстоятельствах весьма добродушное лицо, немного поредевшая шевелюра неопределенного «среднерусского» цвета, крупное, немного неуклюжее тело. В глазах – как и у большинства клиентов «Глории», переступающих порог ЧОПа в первый раз, – горечь и тревога.

Тем не менее, как отметил Денис, пронаблюдавший из окна момент прибытия бизнесмена, приехал он сюда один, без охраны, за рулем серебристой «ауди» последней модели, которую даже не перестали еще рекламировать по ящику.

– Присаживайтесь. – Грязнов-младший кивнул Илье Рудольфовичу на одно из двух кресел, стоявших возле небольшого чайного столика в его кабинете. – Кофе хотите?

– Если можно, воды, без газа...

– Леночка! – Денис, выбравшийся из-за своего письменного стола навстречу клиенту, выглянул в приемную.

– Я слышала! – Девушка улыбнулась и поспешно шагнула к холодильнику. – Один момент...

Новая секретарь «Глории», принятая сюда по рекомендации все того же Грязнова-старшего, оказалась настоящей находкой: расторопная, в меру молчаливая, да еще и большая мастерица по части кофе и чая...

Принесенную девушкой минералку Стулов выпил залпом, словно путь сюда проделал не в салоне машины, снабженной кондиционером, а сквозь пески Сахары. Денис посмотрел на клиента сочувственно и, опустившись во второе кресло, приготовился слушать.

– Наверное, – с горечью усмехнулся Илье Рудольфович, – для вас это банальная ситуация, то, что я сейчас скажу... Словом, меня «заказали». И чтобы сразу расставить все точки над «и»: заказчика, так же как и киллера, я знаю...

Денис удивленно поднял брови и слегка покачал головой.

– Я бы не назвал это банальной ситуацией. – Он позволил себе слегка улыбнуться. – Как правило, не только заказчика и киллера, но и о самом факте «заказа» наши клиенты узнают от нас. Приходят сюда исключительно с подозрениями... Вы уверены в том, что точно проинформированы?

– Да, к сожалению.

– В таком случае, если не трудно, начните сначала и расскажите поподробнее!

Грязнов-младший незаметно нажал находившуюся под столешницей кнопку записывающего устройства.

– Сначала... – Стулов снова грустно усмехнулся. – Знать бы еще, где оно, это самое начало. Вероятно, в том растреклятом дне, когда я надумал жениться во второй раз...

– И как давно это было? – мягко вмешался Денис.

– Пять лет назад, летом девяносто девятого... Нашему сыну сейчас четыре с половиной года...

...Начало их новым отношениям положила сама Велена. На Москву обрушилась тогда поздняя, мрачная осень с обязательными серыми ливнями, которые начинались, словно по расписанию, на рассвете, переходя к обеду в липкую морось, а к вечеру сменяясь холодным порывистым ветром. Именно тут-то у Ларисы и начался довольно редкий токсикоз второй половины беременности: большинство женщин, по утверждению ее врача, отдельно оплачиваемого мужем, «отмучивались» в первые недели, а она... Это было ужасно!

Жизнь, особенно с утра, окрашивалась в те же тона, что и природа, и от этой «гармоничности» ей становилось еще тошнее – стоило только открыть глаза и подумать о том, что сейчас предстоит встать с постели и тащиться на кухню через всю, как ей казалось тогда, многокилометровую квартиру. А потом – и это в такую-то погоду! – еще и обязательная прогулка, настоятельно рекомендованная доктором, который за такие-то деньги еще и пугал Лару всякими осложнениями при родах, если она не будет двигаться.

И вот именно в такое хмурое утро все и началось. Лариса только-только успела размежить тяжелые, отекавшие за ночь веки и зафиксировать свое отвратительное тошнотное состояние, как дверь спальни распахнулась и на пороге объявилась Велена... с подносом в руках!

Мало того – Маринкина няня улыбалась, что по Лариным наблюдениям случалось редко, а при виде ее и вовсе никогда. Они вообще общались мало и исключительно по поводу Марины или на хозяйственные темы. И вдруг – явилась, да еще и с подносом, на котором стоял высокий граненый бокал со свежавыжатым апельсиновым соком и какой-то аптечного вида пузырь с прозрачной жидкостью.

– Извините... – На лице Велены в добавление к улыбке появилось и впрямь извиняющееся выражение. – Думала, вы еще спите, не постучалась. Не могу больше смотреть, как вы мучаетесь! И все из-за этого болвана доктора...

Лариса открыла рот, чтобы что-нибудь ответить, но ничего подходящего в голову не пришло. Но Велена и не ждала никакого ответа и торопливо продолжила:

– В общем, я решила сама избавить вас от этого ужасного состояния! Уж я-то знаю, что это такое, у меня тоже был токсикоз второй половины...

Лариса изумленно смотрела на женщину, потом перевела взгляд на поднос.

– Что это? – пролепетала она, с трудом сдерживая тошноту.

– В пузырьке? Панацея от всех бед, обыкновенный хлористый кальций! – радостно произнесла Велена. – Нынешние навороченные доктора давно забыли о таком простом средстве, самом, между прочим, действенном, им еще наши бабки пользовались... Я утречком сбегала в аптеку и купила!

– И... неужели поможет? – почти простонала Лара. И тут же спохватилась: – А это не вредно?

– Это полезно! – уверила ее Велена, одновременно поставив поднос на тумбочку. – У ребеночка будут кости крепче, сосуды лучше, да и у вас тоже... Одна столовая ложка с утра натощак, и можете вставать с постели, как все нормальные люди!

– Правда? – Лариса все еще никак не могла справиться с изумлением, и именно поэтому Велене удалось влить в нее ложку горько-соленого хлористого. В первое мгновение она подумала, что на этот раз ее вырвет прямо в постели, такой он был противный на вкус, а спустя секунду, когда не вырвало... Через некоторое время, когда она вдруг поняла, что проклятая тошнота если и не отступила полностью, то, совершенно точно, заглохла... Словом, ей захотелось прямо тут же броситься Велене на шею!

– Н-не может быть... – прошептала она под испытующим взглядом бонны. – Кажется, мне правда лучше...

– Ну еще бы! – та снова улыбнулась и протянула бокал с соком. – Теперь это, и можно будет вставать! Пейте...

Лариса послушно выпила и посмотрела на Велену чуть ли не с нежностью.

– Господи... Какое, оказывается, счастье почувствовать себя нормальным человеком!.. Слушай, давай на «ты», сколько можно «выкать»? Мы же практически ровесницы!

– Вы... Ты мне льстишь, – грустно улыбнулась Велена. – Мне уже за тридцать, но насчет на «ты» согласна, и даже с удовольствием. И для Мариночки будет полезно увидеть, что мы разговариваем как близкие подруги... Ой, я побегу, она уже должна проснуться! Обнаружит, что меня нет, – будет плакать...

– погоди! – Лариса сама не знала, зачем ее остановила, вероятно, все от того же чувства благодарности, которое ее в тот момент переполняло. – Ну, поплачет немного – ничего страшного... А ты откуда узнала про этот рецепт?

– От своей мамы, – усмехнулась Велена и деликатно присела на краешек кровати. – А та – от бабушки.

– Так у тебя родители разве живы? А Илюша говорил...

– Папа жив. – По лицу женщины пробежала тень. – Мамы давно нет. Но я еще в детстве слышала, как она давала эту рекомендацию своей приятельнице, и почему-то запомнила... Как видишь, пригодилось!

– А твой отец?

Теперь Велена заметно нахмурилась.

– Жив, здоров и благополучно женат на толстой рыжей стерве. Мы не общаемся...

– Вот невезуха, – вздохнула Лара и все еще на волне благодарности пооткровенничала: – А я своего папашу и в глаза никогда не видела, говорят, его посадили из-за какой-то растраты. И маман вычеркнула моего родителя из нашей жизни.

– Неужели из-за растраты? – удивилась Велена.

– Нужно знать мою мамашу. Она бы и меня могла вычеркнуть из жизни из принципиальных соображений, подай я ей повод. Слушай, а тебе с Мариной не тяжело? – сменила она тему, слегка удивляясь собственной болтливости.

– Что ты... Она на самом деле такая ласковая и милая! Просто недоверчивая... А какой она еще может быть, если учесть, что ее мать бросила малышку фактически с пеленок? С Марочкой главное – не спешить, вот увидишь, она получше присмотрится к тебе, и вы непременно подружитесь! Тем более что Илья, к сожалению, общается с ней крайне мало...

– Да, я заметила, – задумчиво кивнула Лариса. – Знаешь, у меня даже что-то вроде чувства вины появилось: он ведь свободное время со мной проводит, а мог бы...

– И не думай! – оборвала ее Велена. – Он и до твоего появления девочку почти не замечал...

Она немного поколебалась, вздохнула и покачала головой.

– Мне кажется, дело в том, что Марочка совсем на него не похожа, она копия Оксаны. Все-таки мужчины – странный народ...

...С Марочкой Лариса, вопреки оптимистичным прогнозам Велены, по-настоящему так и не подружилась. Правда, со временем девочка перестала шарахаться от мачехи. Но на более тесный контакт тоже не шла. Казалось, что теплые чувства Марина испытывает только к своей няне, к остальным окружающим ее людям – в основном безразличие. А по отношению к отцу – еще и страх. Обнаружила это Лара довольно быстро.

Как-то девочка в очередной раз заболела, подхватив традиционную для нее ангину, и раскапризничалась. Илья в этот момент против обыкновения был дома – задержался перед выходом на работу из-за какого-то делового звонка. Услышав из детской Мариныны вопли, Стулов, слегка побледнев от злости (вопли мешали его разговору по телефону), положив трубку, рванул в комнаты дочери, где Велена с Ларисой вдвоем пытались убедить ее принять лекарство. Дело казалось совершенно безнадежным – ровно до того момента, как на пороге детской не возник Илья.

– В чем дело?! – Пожалуй, тогда Лариса впервые увидела мужа по-настоящему разозленным.

А Марина мгновенно умолкла и, с ужасом взглянув на отца, сама потянулась к стоявшей с ложкой микстуры в руках няне, открыв дрожащий от сдерживаемых рыданий рот.

Илья не сказал больше ничего, только тяжело смотрел на дочь до тех пор, пока последняя из положенных пилюль не была ею проглочена, после чего молча развернулся и ушел. А Марина тихонечко, словно взрослая, заплакала, уткнувшись Велене в ладони...

Женщины обменялись понимающими взглядами. Велена уложила девочку в постель и та, вздрагивая от всхлипываний, почти мгновенно уснула – она всегда спала, когда у нее поднималась температура. А они тихонечко выскользнули из спальни в игровую.

– Вот так мы и живем, – грустно произнесла Велена и начала поднимать с пола разбросанные игрушки.

Ларису эта сцена выбила из колеи по личным соображениям. Покосившись на свой уже заметно выступающий живот, она нахмурилась:

– Знаешь, а вдруг он и нашего ребенка будет так же воспитывать?

– Ты хочешь сказать – не будет любить? – Велена выпрямилась с огромным нелепо-розовым медведем в руках и зябко прижала к себе игрушку. – На самом деле Илья по-своему любит Марочку, просто она его раздражает... иногда... Нет, я думаю, твои страхи напрасны. Тем более, он всегда хотел сына, а у тебя будет мальчик.

– Ну, эти аппараты, которыми нас смотрят, тоже, говорят, иногда ошибаются. Так что не на сто процентов мальчик... А если все-таки девочка?

– Ну и что? – Велена пожала плечами. – Родишь еще, какие твои годы? Тем более, вторая беременность и вторые роды всегда легче первых!

– Мне бы этого родить! – покачала головой Лариса. – В жизни не думала, что ходить с большим животом – это так тяжело.

В отличие от нелюбимой Маринки, с Веленой они в тот период сошлись очень тесно. Этому немало способствовало и то, что любимая подруга Катя, получившая, наконец, повышение по службе, с утра до ночи пропадала в суде. Став судьей по уголовным делам, Катя как-то незаметно, а потом все отчетливее стала меняться. Работа, которая прежде ее не слишком интересовала, теперь не сходила у подружки с языка, а это ужасно раздражало Лару, погруженную в свою беременность и уже начавшую потихонечку мучиться вынужденным бездельем и многочасовым отсутствием в доме Ильи. Велена же всегда была под рукой, к тому же взяла на себя (а точнее, и не отдавала) часть обязанностей хозяйки, совершенно не способной вести хозяйство – тем более сейчас.

Кроме того, недополучившая свою долю заботы и внимания от собственной матери ни в детстве, ни в данный момент, Лариса сама не заметила, как Велена с ее хлопотами и неизменно доброй, ласковой и, что самое главное, искренней улыбкой сделалась ей просто необходимой. Кто еще станет часами слушать Ларисины жалобы на эту ужасную, тяжелую беременность, скуку, дурную погоду, переходящие в жалобы на ее прошлую лишенную каких бы то ни было радостей жизнь?

Она и сама не заметила, как ознакомила Велену со всей своей биографией, можно сказать, в деталях. И уж точно не обращала внимания на то, какие пронизательные и задумчивые взгляды та бросала на нее иногда, размышляя о чем-то своем...

Роды, в отличие от беременности, оказались на удивление легкими. Юрочка появился на свет всего лишь через три с половиной часа после первой схватки, и с самого начала все было как положено: и закричал вовремя, и уснул вскоре после родов в маленькой кроватке, поставленной рядом с Лариной в отдельной палате лучшего в городе, по сути дела закрытого для простых рожениц роддома.

Еще толком не успев пережить потрясения только-только грянувшего материнства, Лариса с изумлением и никогда прежде не испытанной нежностью разглядывала своего – их с Илюшей – сына – маленькое существо со страдальчески сморщенным красным личиком и трогательными темными кудряшками на влажном затылочке.

Илюша вырвался к ним ближе к вечеру, хотя родила Лара утром. Раскрасневшись от счастливого возбуждения, он влетел в палату с целой корзиной пунцовых роз, с выкрикнутым прямо от порога: «Где он?!»

И у Ларисы, тревожно и ревниво ожидавшей его визита, почти сразу отлегло от сердца: нет, Стулов будет его любить! Вон с каким восторгом уставился на Юрочку, сладко посапывающего во сне. И что это он там бормочет насчет наследника?.. Ну да, да! Ведь Юрочка – не только его сын, он еще и НАСЛЕДНИК! Фирмы, денег... Лара вдруг с удивлением осознала, что до сих пор не в курсе, каково же на самом деле состояние ее мужа. Она что – совсем дура?! Ведь теперь речь идет не только о ней, но и о Юрочке, ее сыне!..

И она почти не среагировала из-за этой мысли, когда муж, налюбовавшись мальчиком, кинулся к ней, встав на колени, уткнулся лицом в ее одеяло, бормоча какие-то слова, обнимая ее ноги все сильнее и сильнее.

Лариса уперлась взглядом в его затылок, вдруг обнаружив на нем отчетливо наметившуюся лысину, и поморщилась: муж сжал ее слишком сильно, причинив боль. И с абсолютной холодностью, тоже до сих пор не посещавшей ее, подумала о том, что у Стулова наверняка, как и у большинства богатых людей, имеется завещание. И наверняка в пользу Марины – как бы он ни относился к ней. И что ее обязанность – не просто выяснить это, но и позаботиться о том, чтобы завещание было как можно быстрее переписано.

В соответствии с брачным контрактом, который они тоже заключили, самой Ларисе в случае развода – не важно, по чьей вине – полагались сушие гроши плюс квартира, в которой они сейчас жили. Между тем был ведь еще и загородный особняк, куда она ездила пару раз и который показался ей столь же не приспособленным для нормальной жизни, как не приспособлен к ней набитый роскошными экспонатами музей. Но теперь она, обвыкнувшись в тоже огромной московской квартире, во-первых, думала иначе, во-вторых, с появлением Юрочки жить лучше для его здоровья было бы за городом...

Муж между тем поднял, наконец, голову от ее коленей и слегка вздрогнул:

– Что с тобой, Ларусик?..

Лара закусила от досады губу: ну и дура же она! Все, о чем ни подумает, тут же рисуется на физиономии.

– Я еще плохо себя чувствую, дорогой... – пробормотала она и на мгновение прикрыла глаза.

– Господи... А эти идиоты доктора сказали мне, что все в порядке! – по-бабьи охнул Илья и рванулся было к дверям палаты. – Я им сейчас...

– Не надо! – всполошилась Лариса, успевшая взять себя в руки. – Дурачок, это естественно, я же совсем недавно родила. Я же не из тех крестьянок, которые в поле рожали и тут же начинали прерванное родами размахивание серпом!..

Она с усилием рассмеялась, и он, поколебавшись, тоже засмеялся вслед за ней. Так и не заметив проскользнувшей между ними черной кошки. Точнее – котенка, которому только еще предстояло стать той самой кошкой, которая в соответствии с народным поверьем приносит людям беду...

– ...Я, дурак, долго ничего не замечал. – Илья Рудольфович посмотрел на Дениса и снова отвел глаза, уставившись на свои крепко сжатые в замок руки, лежавшие на раздвинутых коленях. Головы он не поднял ни разу за все время их разговора. И повторил: – Ничего не замечал, пока Велена однажды вечером, почти ночью, дождавшись меня с работы, не сказала, что ей нужно срочно со мной поговорить. Ну и поговорили...

Свое невеселое повествование Стулов завершил еще через полчаса. Денис с невольным уважением отметил, что Илья Рудольфович, безусловно, в отличие от большинства его клиентов, умеет рассказывать одновременно и по сути, без лишних деталей, и – почти литературным языком... Нет, под новорусский образ из расхожих анекдотов он не только не подходил, но и вовсе никаким боком в него не вписывался.

– Вы удивительно четко все изложили, – не удержался он, с искренним сочувствием глядя на клиента: удивительно приятный мужик, а вот поди ж ты...

– Старая привычка, еще со студенческих времен, – рассеянно отозвался тот. – Я ведь физмат заканчивал, наукой заниматься собирался. А тут-то все и грянуло... Пришлось «перестраиваться» вместе со всей страной, иначе... У меня мать тогда тяжело болела, нужны были деньги на лекарства, причем не на наши – на немецкие... Ну и...

– А почему именно торговля? – не сдержал любопытства Денис.

– Потому что мы с покойным Сашкой тогда все правильно вычислили. Я имею в виду мужа Велены, моего друга, с которым начинали вместе. Мы поняли, что промышленность, производство еще долго будут только разваливаться. Ну, если не считать нефти и газа, но в эту сферу и думать было нечего соваться, коли жизнь дорога. А продукты – они при любом раскладе людям нужны. Есть деньги – нет денег, а без еды не проживешь.

Начали, как все, с кредита, палатки и немецкого пива: я из-за лекарств для матери в Германию мотался довольно часто, знакомыми там успел обзавестись. Прогореть мы не имели права – вот и не прогорели... В общем, остальное не интересно, все, как у всех.

– Что ж, вернемся к делу, – кивнул вполне удовлетворенный Денис. – Итак, завершили мы с вами на том, что во вторник, то есть завтра в полдень, ваши «заказчик» и киллер должны встретиться в кафе «Злата» неподалеку от Пушкинской...

Денис резко поднялся на ноги и, приоткрыв двери в свою крохотную, но уютную приемную, окликнул Леночку:

– Агеев здесь?

– Только что появился. Позвать?

– Угадала, – кивнул Денис и, вернувшись за столик, доброжелательно посмотрел на Стулова. – Сейчас я изложу вам наш план, и если он вас устроит, будем оформлять контракт...

4

Ясное солнечное июльское утро текущего 2005 года медленно катилось к полудню за окнами кабинета старшего помощника Генерального прокурора Российской Федерации Александра Борисовича Турецкого. Это вовсе не означало, что упомянутое утро сулит столь же классически летний день: погода, по самым приблизительным подсчетам самого Сан Борисыча, менялась в среднем раза два-три за сутки. Обстоятельство, несколько примирявшее его с пролетевшим в очередной раз мимо носа очередным отпуском, который по графику должен был состояться как раз в июле. Но не состоялся.

Два последних дела, по которым Турецкий самолично возглавлял оперативно-следственные бригады, оказались столь громоздкими, а количество свидетелей по ним день ото дня увеличивалось со столь небывалой скоростью, что ничего другого, как продлить сроки следствий по обоим, не оставалось. И не потому, что кто-то из следователей или оперов что-то недорабатывал, а исключительно, как выразился в этой связи друг Сан Борисыча, возглавлявший Департамент МВД РФ Слава Грязнов, «по астрономическим причинам»: в сутках, как известно, всего 24 часа, из коих хотя бы пяток необходимо поспать даже представителям правоохранительных органов. Тоже люди все-таки, как-никак...

Вспоминая разговор со своей супругой Ириной Генриховной по поводу перенесенного на сентябрь отпуска, Александр Борисович поморщился и, дабы отвлечься, попытался сосредоточиться на свежих милицейских сводках, которые в данный момент просматривал. В этот момент и ожила внутренняя связь, в очередной раз отвлекая Турецкого от рутинного занятия.

– Александр Борисович, к вам пришли без записи, говорят, срочно, – прозвенел раздраженный голосок его секретарши Наташи.

– Кто именно? – буркнул Турецкий.

«Кто бы ни был, пошлю куда подальше», – заранее решил он.

– Денис Андреевич Грязнов, – доложила секретарь. – Говорит...

– Впусти! – намерение Сан Борисыча отыграться на незапланированном нахальном посетителе за свое подпорченное настроение испарилось без следа: племянник Славки Денис принадлежал, во-первых, к тем людям, которых сам Турецкий считал близкими. Во-вторых, он наверняка не стал бы беспокоить по пустякам... Что-то стряслось.

– Привет, дядь Сань... Вижу, у вас тоже новая секретарша! Часом, не мой дядюшка одарил вас таким Цербером? А по виду не скажешь!

Как всегда, Денис выглядел прекрасно – эдакий лондонский денди, элегантный, как белый рояль, тем более что и надетый, несмотря на жару, пиджак на нем тоже был белый.

– Наташа у меня уже год работает... – усмехнулся Турецкий. – Именно столько ты здесь и не был. Кстати, как это ты ухитрился просочиться к нам без пропуска?

– Почему без пропуска? – Денис прошел к столу Сан Борисыча и вальяжно опустился на стул для посетителей. – У вас был занят телефон, я Левину позвонил.

Олег Левин – помощник Турецкого – был одним из тех, кто вместе с ним оказался в числе пострадавших по части очередного отпуска из-за непомерной нагрузки. Александр Борисович своего помощника чрезвычайно ценил и как следователя, весьма грамотного и аккуратного, и как человека – очень выдержанного, педантичного и честного.

– Понятно, – кивнул он Денису. – И если ты не против, давай сразу перейдем к делу: думаю, ты не на чашечку кофе ко мне завернул, верно?

– К сожалению, да... – Денис стрельнул глазами на бумаги, лежавшие перед Турецким, моментально определив их суть.

– Вы, дядь Сань, сводки уже просмотрели?

– Не успел, – поморщился тот. – То звонки, то посетители, в том числе без предварительной записи. А что?

– Сегодня ночью милицейские арестовали моего клиента, бизнесмена Илью Рудольфовича Стулова, – вздохнул Денис. – По подозрению в убийстве его же одиннадцатилетней дочери. Труп девочки и сам Стулов в бессознательном состоянии были обнаружены в его машине на парковке принадлежащего ему универсама «Радуга». Одного из таких универсамов, которых на самом деле в Москве целая сеть...

– Что значит – в бессознательном состоянии? Был пьян?

– Поначалу так и решили, – кивнул Денис, – но потом эксперт заподозрил неладное и порекомендовал отправить Стулова в тюремный госпиталь. В себя тот пришел только утром и сразу позвонил мне. Анализы на алкоголь к тому моменту были уже готовы.

– И что?

– Имеется, но в количестве, от которого никакой потери сознания даже у младенца быть просто не может...

– Значит, позвонил он не своему адвокату, а тебе... Давай-ка излагай суть дела, только коротко, время дорого, Денис! У меня через сорок минут очередной опрос очередного свидетеля.

Грязнов-младший уложился ровно в половину отпущенного ему времени и удовлетворенно откинулся на спинку стула, обнаружив знакомый ему огонек, вспыхнувший в глазах Турецкого к концу рассказа.

– Та-а-ак... Ну и что же ты хочешь от меня?.. – поинтересовался Сан Борисыч.

– Дядь Сань... – Денис с видимым огорчением глянул на Турецкого. – Ну, неужели не понятно?.. Да знаю я, что у вас и без того дел невпроворот! Но когда вы увидите наши материалы, то и сами поймете, что мужика просто-напросто круто подставили! Очень, между прочим, симпатичный мужик, но на удивление невезучий. А горпрокуратура меру пресечения ему сдохнет – не изменит, и резину будет тянуть хорошо если полгода, а то и год... Там, кстати, половина сотрудников сейчас в отпуске. Остальные только рады будут сбавить Стулова в чужие руки.

И потом – сами знаете, как прокурорские относятся нынче к таким, как он: ах, ты бизнесмен? Значит, точно виноват! В чем – не важно, главное, точно в чем-нибудь виноват, а уж коли попался, должен получить по полной программе!..

– Но-но-но!.. – Турецкий сердито насупился. – Ты всех-то одним гребнем не чеши, Дениска! Да и бизнесмены наши – те еще персонажи, только копни!..

– Дядь Сань, так ведь и я против того, чтобы всех одним гребнем! А тут именно так все и будет, если...

– Ладно! – Турецкий хлопнул ладонью по столу. – Уж больно необычную историю ты мне про своего Стулова рассказал. Кто, говоришь, тебе пропуск выписывал? Левин?..

Турецкий нажал кнопку селекторной связи:

– Наташенька, пригласи-ка ко мне Олега Борисовича!.. – Он снова повернулся к Денису: – А дядюшка твой как – в курсе?

– Собственно говоря, он мне и посоветовал к вам обратиться.

– Молодец! – кивнул Александр Борисович. – Раз такое дело – придется и ему поучаствовать, как минимум поделиться имеющимися в наличии операми, да и самим собой не мешало бы... Я имею в виду Славкину головушку... Привет, Олег! Проходи, садись...

Олег Левин, как всегда подтянутый и аккуратный, появился на пороге кабинета шефа и, поздоровавшись с ним, улыбнулся Денису, после чего занял второй из стульев у стола Турецкого.

– Ну-с, организовал посетителя? – ухмыльнулся Сан Борисович. – Теперь сам и будешь расхлебывать забавную историю, которую он принес нам в клювике...

– Забавную? – Левин удивленно посмотрел на шефа.

– Если честно – нет: убит ребенок, девочка одиннадцати лет.

– Да, я видел сегодняшние сводки, – кивнул Олег и нахмурился.

– Тем лучше, что видел. Подготовишь постановление о передаче дела нам. Но вначале забирай Дениса к себе и пообщайся с ним – услышишь много интересного.

– Есть! – Олег поднялся и вопросительно посмотрел на Грязнова-младшего. – Пошли?..

Своего помощника Александр Борисович любил в том числе и за то, что он никогда не задавал лишних вопросов начальству – при любой возможности получая ответы в другом месте. И до сих пор ни разу не жаловался, по крайней мере, вслух, на нагрузки по делам, превышающие все допустимые нормы.

Дождавшись, когда Олег с Денисом покинут его кабинет, Турецкий вновь нажал клавишу селектора:

– Наталья, соедини-ка меня по прямому городскому с Вячеславом Ивановичем Грязновым, Первый департамент МВД...

Прибавление в семействе Стуловых не вызвало надлежащего восторга только у Марины, которой со дня на день должно было исполниться шесть лет. Более того: обнаружив, что ее любимая няня хлопочет вокруг маленького братика, девочка очень скоро начала закатывать по этому поводу истерики. А Велена и впрямь взяла на себя часть забот о Юрочке с первого дня появления мальчика в доме.

Не то чтобы Лариса не желала заниматься ребенком сама. Однако послеродовая депрессия ее, как ни печально, не миновала: Лару вдруг начало раздражать все подряд, включая не только мужа, сюсюкающего, с ее точки зрения, как наседка, над кроваткой сына, но порой и самого младенца, оказавшегося весьма беспокойным. Кроме того, у нее не было молока, с первых дней пришлось заботиться об искусственном вскармливании.

– Все утрясется, – успокаивала Ларису все та же Велена. – Бессонные ночи сразу после родов противопоказаны всем! Пусть тебя это не волнует, я все равно по ночам раза три-четыре просыпаюсь. А то, что Юрочка будет спать в детской, пойдет только на пользу той же Марочке: привыкнет к братику, полюбит его и перестанет ревновать, вот увидишь! И вообще, зачем тебе сейчас лишняя нагрузка? Займись лучше собой, успокойся... Все утрясется!

Пока Лариса с мальчиком находились в роддоме, оказывается, к детской была присоединена еще одна комната. Похоже, еще до их возвращения Илья решил, что малышом будет заниматься Велена. Какие-то дополнительные работы с той же целью, как выяснилось, велись и в только что отстроенном загородном особняке: туда Ларисе с Веленой и детьми предстояло перебраться после того, как Юрочке исполнится три месяца и в регулярных посещениях детской медсестры отпадет надобность.

Вообще-то, если подумать, Илья рассудил правильно. И все эти перестройки были продиктованы заботой о жене: поздние роды (а у медиков они считались поздними) – дело непростое, без серьезных осложнений обходятся редко, как бы легко они ни прошли... Ну, хотя бы этот огорчительный лишний вес, из-за которого у Лары впервые в жизни разыгралась тахикардия. А из-за того, что в свои вещи, столь тщательно подобранные ею после свадьбы и купленные в самых дорогих бутиках, она влезала теперь с превеликим трудом, у новоиспеченной мамочки и вовсе началась черная меланхолия. Да, Велена права: нужно срочно заняться собой! В конце концов, уж теперь-то она точно может себе позволить и самый дорогой фитнес-клуб в Москве, и экологически чистые, а заодно и проверенные на радиацию продукты. Все правильно! А смутная тревога, беспричинно присосавшаяся к сердцу, так же как постоянное недовольство всем и всеми – неизбежная составляющая этой самой послеродовой депрессии. И пройдет вместе с ней.

Невропатолог-психоаналитик, найденный Веленой (и когда только успела?!), прописал Ларисе какие-то легкие транквилизаторы и успокаивающую микстуру – разумеется, все очень

дорогое, а следовательно, просто обязанное быть хорошим. И твердо пообещал, что после завершения курса все неприятные симптомы исчезнут бесследно.

Конечно, первой поздравить ее приехала Катька – оторвалась-таки от своих судейских дел! Они к тому моменту не виделись, наверное, месяца два – дело в их дружбе невиданное. И Ларису поразило, насколько за это время изменилась подруга. Во-первых, в отличие от нее самой, Екатерина похудела, и заметно. Во-вторых, в кои-то веки на безвкусной Звягинцевой появилась элегантная, со вкусом подобранная и явно недешевая одежда: и пальто, и сапожки, и костюмчик. Все сидело на ней как влитое и безумно Катьке шло!..

– Вот это да!.. – с нескрываемой завистью поприветствовала подругу Лариса, ошарашенно оглядев ее с головы до пят. – Выглядишь, в отличие от меня, на все сто... Влюбилась ты, что ли?..

– Скажешь тоже! – Катя радостно улыбнулась и крепко обняла Лару, замотанную в махровый купальный халат и совершенно не накрашенную: приезд подруги застал ее под душем. – Ну, показывай скорее свое сокровище!..

После демонстрации Юрочки, вызвавшего, разумеется, у гости искренний восторг, женщины отправились в Ларисины комнаты и расположились в будуаре, изрядно поднадоевшем хозяйке за месяцы беременности.

– Ну... рассказывай! – потребовала Катька с какой-то новой, уверенной раскованностью располагаясь на любимом Ларином месте – полукруглой белой кушетке возле окна-эркера.

– О чем? – вздохнула та, пристраиваясь рядом. – Будто не знаешь, что молодым мамашам кроме пеленок-распашонок и рассказывать-то не о чем!

– Глупости! Например, о том, что именно подарил тебе супруг за подвиг рождения сына? Лично я в свое время получила золотое кольцо с рубином – страшнущее, советского производства...

– Помнится, тогда оно тебе страшнущим не казалось, – напомнила Лариса и только тут обнаружила на Катькином пальце изящный перстенок белого золота с крошечной искоркой зеленого цвета... – Сколько лет носила, не снимая!

– Ну, тогда ведь мы ничего другого и не знали, времена-то какие были? – махнула Катя рукой. – Так что он тебе подарил?

– Машину, – усмехнулась Лариса. – Я еще на ней не ездила, но собираюсь... Вообрази себе – «феррари», ярко-красный...

Екатерина присвистнула и посмотрела на подругу с уважением.

– Здорово! А мой меня за руль по-прежнему не пускает, боится, что расшибусь... Слушай, а Юрочка и по ночам спит в комнате с Веленой?..

В ее голосе явственно послышались при имени няни нотки ревности. Лариса рассмеялась:

– Ты видишь в этом что-то плохое?

– Не то чтобы плохое... Но почему не с тобой? Или с папашей?

– Потому что я себя все еще неважно чувствую, а что касается Ильи – так ему с его работой только бессонных ночей не хватало! Кроме того, там спит и Марина, а ее необходимо приучить к Юрочке, она страшно ревнует... Но сейчас уже немного меньше! Велена – неглупая баба, она стала привлекать девчонку к купанию малыша, ну, та постепенно сейчас сдается, ей ведь это интересно! Как с живой куклой играет...

Екатерина слушала ее очень внимательно и как-то задумчиво. И когда Лариса умолкла, тоже некоторое время молчала. Потом слегка качнула головой:

– Ты знаешь, я бы на твоём месте вот так уж, на все сто, этой Велене не доверяла...

– Да почему?.. Она на самом деле оказалась неплохой, к тому же абсолютно несчастная баба...

– А на мой взгляд, – перебила ее Катька, – она не просто неплохая, а что-то уж слишком хорошая! Можно сказать, хоронит себя заживо ради абсолютно чужих ей людей. С ее-то внешними данными и образованием... Ну, хоть убей, а что-то тут нечисто!

Лариса нахмурилась и пожала плечами:

– Мы ей не совсем чужие, она Илье дальняя родственница.

– Все равно... Ларка, я ведь о тебе забочусь. И вообще ни к чему кардинальному тебя не призываю: просто постарайся не быть слишком доверчивой. А там – время покажет, права я или нет...

После Катькиного ухода настроение у Ларисы окончательно испортилось. Не то чтобы ее слова насчет Велены выбили из колеи. Лара ни секунды не сомневалась ни в искренности няни, ни в том, что Екатерина ее просто ревнует. Но внешний вид подруги, та радостная деловитость, с которой она умчалась обратно на работу, – все это подействовало на нее плохо. Впервые со дня своей свадьбы Лариса затосковала по какому-нибудь реальному делу. Надо же! Раньше она полагала, что если бы вдруг образовалась возможность не работать, уж она-то бы ее точно использовала в собственных целях по полной программе... Ну все, хватит киснуть!

В этот вечер она, против обыкновения, которым обзавелась еще в последние месяцы перед родами, дождалась мужа, приехавшего, как всегда, поздно, – вместо того чтобы забраться в постель с книжкой и уснуть примерно на пятой странице.

Ужин, разумеется, готовила Велена, но подала его мужу, обрадованному несколько оживившимся видом жены, сама Лара. И дождавшись, когда Илья приступит к десерту, начала разговор с фразы, придуманной заранее:

– Илюшенька, помнишь, ты обещал меня познакомить с одной дамой, чьей-то женой? Я согласна!

– С дамой? – он непонимающе уставился на Ларису. – Нет, не помню...

– Ну как же! – поморщилась она. – Еще говорил, что она энергичная, что ей времени в сутках не хватает...

– А-а-а!... Так это о Серegiной жене шла речь, о Ритке! – Он с облегчением улыбнулся. – А что это ты вдруг?

– И расскажи о Сергее...

– Сергей Красных – один из моих давних поставщиков.

– Значит, его жену зовут Рита? Я это к тому, что эта дама должна все знать о фитнесе. – Лариса вдруг почувствовала, что краснеет неизвестно почему. – Мне врач рекомендовал...

Илья рассмеялся и привлек к себе жену:

– До чего ж я рад, что тебя это заинтересовало! Похоже, с депрессией пришла пора расставаться?

– Ну... – пробормотала Лариса, которая считала излишним информировать мужа о проблеме излишнего веса, словно у него самого не было глаз. Хотя можно и так сказать: после рождения Юрочки супруги все еще спали отдельно, а из-за занятости Ильи виделись и вообще мало. К тому же Стулов, как все мужчины, был не слишком наблюдательным и, все еще находясь во власти влюбленности в жену, никаких изменений в худшую сторону в ее внешности не замечал. Пока не замечал! Дождаться, когда, несмотря на свою зашоренность и вечную усталость, заметит, она не собиралась.

– Завтра же Ритка будет у тебя! По части всяких клубов и салонов знатока, равного ей, и на свете нет, – усмехнулся муж. – Лично я в ее обществе дольше получаса не выдерживаю, поскольку все эти дамские штучки – любимая тема Риткиной болтовни. Но вы, женщины, на это реагируете иначе!

– Угу... Слушай, а кто из вас с Красных главнее как партнер?

– То есть?

– Ну, насколько я знаю, равного партнерства не бывает, – снисходительно пояснила Лариса. – Кто-то от кого-то всегда зависит...

– Вообще-то мы давно работаем вместе, я как-то об этом не думал.

– А ты подумай! – посоветовала она.

– Зачем? Тебе-то это надо?

Он искренне недоумевал, и Лара едва сдержала раздражение.

– Чтобы знать, как себя с Ритой вести!

Илья посмотрел на жену странным взглядом и пожал плечами:

– Ну, если подумать, в данный момент поставщиков гораздо больше, чем фирм-закупщиков. Только при чем тут твое поведение и Рита, я все равно не понимаю...

– И не надо! Хватит того, что понимаю я! – не выдержала Лариса, но тут же сменила тон, спохватившись, что главное из того, что собиралась сказать мужу, все еще не сказано.

Но он на ее раздражение не обратил никакого внимания и сам помог перейти к волновавшему Лару вопросу.

– Как там мой наследничек? – Илья сменил тему разговора, и голос у него вмиг потеплел. – Как думаешь, удобно пойти взглянуть прямо сейчас?..

– Что ты! Уже поздно, даже Велена спит. А Юрочка, насколько я знаю, пока что еще не наследничек...

На этот раз он понял Ларису сразу. Но ничуть не обиделся:

– Ты и права, дорогая, и не права одновременно! Я, конечно, закрутился в последнее время, тем не менее уж о ком о ком, а о сыне не забыл! На завтра у меня назначена встреча с нотариусом, и много времени это не займет: я попросил еще неделю назад своего юриста набросать проект нового завещания... Ты теперь довольна?

Лариса хотела ответить, что до этого пока далеко, ведь он даже несоизволил ознакомить с этим самым проектом ее – свою жену и мать наследника.

И все-таки она сдержалась. И чтобы муж не уловил в ее глазах недовольства, сделав над собой некоторое усилие, ласково уткнулась лбом в его плечо.

Кто знает, а вдруг Стулов по новому завещанию отпишет все не Юрочке даже, а ей, любимой супруге, родившей ему наследника, продолжателя рода и дела? Вдруг он просто хочет сделать ей великолепный сюрприз? Вот было бы здорово!

5

Еще в первые месяцы своей работы в качестве судьи Лариса раз и навсегда усвоила истину: чужому мнению о ком бы то ни было или о чем бы то ни было доверять нельзя! Во-первых, практически все люди – прирожденные лгуны. Во-вторых, каждый видит то, что хочет видеть. Оттого и показания свидетелей по одному и тому же делу так разнятся!

Для своего супруга она в этом отношении никакого исключения не делала, но, как ни странно, в случае с женой своего партнера Илья оказался прав и охарактеризовал ее абсолютно верно.

Рита Красных, заявившаяся к ней в гости буквально на следующее утро после разговора с мужем, оказалась именно такой, как он ее описал. То есть шумной, болтливой и крайне утомительной дамочкой. Рыжая, сухощавая, с быстрым и острым взглядом небольших карих глаз, который ни на ком и ни на чем подолгу не задерживался, она не понравилась Ларе сразу. Да и присутствующая при визите Велена, как заметила Лариса, поглядывала на нее неодобрительно.

Надо, однако, отдать этой дамочке должное: ей, впервые за несколько месяцев, удалось выгнать Лару из дома: сопротивляться напору бурной Ритиной энергии было просто невозможно. Тот самый случай, когда говорят «да» исключительно для того, чтобы прекратить прения.

– Для начала – в «Камиллу»! – решительно заявила она, поудобнее устраиваясь за рулем роскошного «субару», на котором она и прибыла за Ларисой.

– В «Камиллу»? – вяло переспросила Лариса, не зная, о чем идет речь.

– Только туда! – энергично тряхнула Рита рыжей гривой. – Ничего лучшего ты в нашей благословенной столице не найдешь! Не поверишь, но два года назад я весила семьдесят килограммов, теперь никто в это не верит, представляешь?!

Лариса покосилась на худые, напоминающие птичьи лапки руки Риты, лежавшие на руле, и тоже засомневалась.

– Ха! – фыркнула та. – Не пройдет и полгода – сама себя не узнаешь. «Камилла» – это что-то!..

«Камилла» оказалась огромным, дорогущим фитнес-клубом, членом которого состояла Рита, легко уплатившая двести баксов за гостевую карточку для Ларисы. Расплатиться ей самой она не позволила.

– Ни-ни! – заявила Красных. – Первый визит своих гостей у нас принято оплачивать самим и только лично... Пошли!

Женщины стояли в просторном холле, уставленном цветами и многочисленными диванчиками из натуральной кожи всех цветов радуги. Справа от входа находилась стойка администратора – слащавого молодого человека, выряженного в зеленый смокинг. Слева располагалась стойка небольшого бара с напитками. Два полукруглых пролета лестницы, устланной тоже зеленым пушистым ковром, вели наверх.

Лариса, успевшая за дорогу сюда утомиться от непрерывной болтовни своей спутницы, покосилась в сторону бара: ей вдруг смертельно захотелось выпить чего-нибудь бодрящего, что придало бы ей сил для дальнейшего общения с новой знакомой. Но Рита, от которой Ларин взгляд не ускользнул, решительно подхватила ее под руку:

– Это – потом, после сауны! И не здесь, а наверху. Там бар куда лучше.

И Лариса, смирившись, покорно потащилась за хозяйкой непрошеного праздника, с тоской подумав про свою тахикардию, которой сауна противопоказана. Но говорить об этом Рите она не стала: пришлось бы заодно признаваться и в наверняка позорном в глазах Риты факте. В том, что ни в каких саунах она, Лара, не была ни разу в жизни. Так уж сложилось. Не была

– и все тут! И теперь ей вдобавок ко всему предстояло еще и напряженно следить за каждым шагом и жестом своей спутницы, чтобы не попасть впросак, сделав что-нибудь не то.

...Наверняка и сауна, и бассейн, и салон красоты, в котором они потом побывали, вообще вся «Камилла» были действительно высококлассными. Тем не менее еще с неделю Лариса вспоминала день своего знакомства с Ритой как кошмарный сон, и единственное, что ее удивляло, – неведомая причина, по которой она вообще осталась жива после обрушившихся на нее «оздоровительных» процедур. До обещанного бара они добрались только к пяти часам вечера, и это оказалось единственным светлым моментом за бесконечно длинный день.

Фирменный коктейль «Камилла», присоветованный Ритой, помог ей, наконец, ощутить свое измочаленное тело – действительно потерявшее пару килограммов. Никакой радости она от этого не испытала.

«А вдруг я вообще не приспособлена к этому всему? – мрачно размышляла Лариса, осторожно прихлебывая ледяную рубиновую жидкость из высокого хрустального стакана. – Возможно, и вообще несовместима с жизнью богатых людей?..»

За несколько часов, проведенных в обществе Риты, она успела приспособиться не слушать ее тараканье, тем более что та вроде бы и не ждала участия Лары в разговоре, ей вполне хватало собственного непрерывного монолога. Достаточно было изредка кивать, предаваясь при этом собственным мыслям. Что Лара и делала, потягивая остро-сладковатый коктейль и понемногу приходя в себя.

«Нет... Глупости все это. Совсем не обязательно вести такой образ жизни, как эта рыжая выухоль... А все остальное – разве плохо?»

Она вспомнила, как еще в первой половине беременности, когда живот не успел обогнаться, а токсикоза пока не было, они с Ильей «выходили в свет»: пара чьих-то юбилеев, презентация картин молодого художника, еще что-то... Ей тогда, совершенно точно, удалось блеснуть среди присутствующих дам не только своими дорогими нарядами и настоящими драгоценностями, не только все еще свежей без всяких саун и салонов красотой, но и умом! Образованием, в конце концов!

Лариса вспомнила, с каким удовольствием общались с ней на той же презентации картин мужчины – друзья Стулова, имен которых она, конечно, так вот сразу не запомнила, зато запомнила, что по меньшей мере двое из них были достаточно молоды и симпатичны. Припомнились и злобные, завистливые взгляды их спутниц в моменты, когда она выражала кавалерам свое мнение о картинах, словно между делом демонстрируя и образованность, и изысканный вкус. В последнем она не сомневалась: один из ее прежних романов оказался в этом отношении просто бесценным! Его героем был молодой и способный художник, основательно поднатакавший Ларису по части живописи.

Лара вспомнила, как была одета на той презентации: очень шедшее ей бледно-сиреневое платье из натурального шелка, отлично сочетавшееся с настоящим розовым жемчугом. Платьице, если память ей не изменяет, от «Гуччи»... Она улыбнулась и с удивлением обнаружила, что с коктейлем покончено.

– Ну вот, видишь? – обрадовалась Рита. – Ты и ожила! А что я говорила? «Камилла» – это нечто!.. Следующий визит – послезавтра, я за тобой заеду!

«Фигушки тебе! – подумала Рита. – Хватит мне и одного раза в твоей „Камилле“ и в твоём обществе!»

– Отлично, – произнесла она вслух. – Созвонимся завтра вечером. А теперь мне нужно срочно домой, жду звонка.

– Так у тебя же мобильный! – удивилась Рита. – Могли бы еще в бутик заехать...

– Мой абонент этого номера не знает, – продолжала вдохновенно врать Лариса, – я его недавно поменяла, так что... Увы!

– Жалко как! – искренне огорчилась Рита. – В следующий раз освобождай весь день и вечер, я тебя хочу в один ночной клуб свозить, местечко – умрешь и закачаешься!..

«Ни за что!» – снова подумала Лариса и, состроив огорченную физиономию, поднялась с места.

– Жива? – Велена встретила ее, можно сказать, на пороге, и хотя произнесла это с мягкой иронией, в глазах ее светилось искреннее сочувствие.

– Не уверена, – искренне простонала Лариса. – Господи, Веленка, я правда там чуть не сдохла, в том числе от общения с этой рыжей выдрой! Ну, погоди, зайвится Илюшечка домой...

– Сама ведь решила, при чем тут твой Илюшечка? – Велена покачала головой и, подхватив прислонившуюся к стене Ларису под руку, мягко повлекла ее в холл, где помогла расположиться в самом удобном кресле – возле бара.

– Сейчас очухаешься, – пообещала она. И повернувшись к Ларисе спиной, задумчиво уставилась на зеркальные полки с напитками.

– Давай чего-нибудь покрепче! – попросила та. – Надеюсь, составишь компанию?

– Составлю, составлю... Юрочка только что уснул, Маришка занята рисованием... Может, бренди? Илья его непосредственно из Штатов привез, целый год стоит нераспечатанным.

– Давай! – Ларисе было все равно, что именно пить. В ушах все еще стоял скрипучий голос несносной Риты, а перед глазами мелькали, словно солнечные зайчики, ее рыжие лохмы.

– Спаси меня можешь только ты! – заявила она, проглотив свою порцию одним махом. – Веленочка, надо срочно что-то придумать, эта Ритка намерена заехать за мной послезавтра и уволочь... Нет, во второй раз я ее общества точно не выдержу!

– Послезавтра? – Велена, задумчиво вертевшая в пальцах свой бокал с порцией едва пригубленного бренди, улыбнулась. – И придумывать ничего не надо. Звонил Илья, предупредил, что как раз послезавтра мы перебираемся за город, там все готово.

– Как, уже?... – Новость оказалась неожиданной. Лариса автоматически наполнила свой бокал заново. – Но... а что же Юрочка?

– Там есть отличная детская медсестра, с ней уже договорились, – пояснила Велена. – Лагутино вообще вполне цивилизованное место, уж поверь... А для Юрочки – чем раньше он начнет дышать свежим воздухом, а не нашими бензиновыми парами, тем лучше. Разве не так?

– Так-то так... – начала Лара и замолчала, не зная, что именно можно сказать. Ну, не делиться же с Веленой своим раздражением по поводу того, что столь важную для них новость Стулов сообщает жене через няньку?

– Если боишься, что не успеем собраться, – не волнуйся. Я уже начала складывать детские вещи, а у меня все готово. Тебе останется только решить, что именно ты берешь из гардероба, а все остальное там есть, включая горничную и кухарку.

– Похоже, вопрос решенный? – пробормотала Лариса и отвела глаза.

– Распоряжение хозяина дома – закон! – полушутя-полусерьезно развела руками Велена. – К тому же, вряд ли Рита потащится за тобой в такую даль. Для нее это кажется концом света.

– Я это Лагутино даже плохо помню, – вздохнула Лариса, подумав, что и Катька в такую даль тоже точно не потащится и теперь видаться с подругой – проблема! – Там что, действительно цивилизованное место?

– Еще какое цивилизованное! – серьезно сказала Велена и, обнаружив, что бокал Ларисы вновь пуст, налила ей еще одну порцию. – Это же закрытый охраняемый поселок! Не просто коттеджный, а что-то вроде закрытого городка с собственной инфраструктурой... Илюше дом там обошелся в такую копеечку – сказать страшно.

– Что значит – с собственной инфраструктурой?

– Это значит, что там есть все, чего твоя душенька пожелает, а не только магазины и больница, солярий там и прочее... Есть даже, – на этом месте Велена усмехнулась, – собственный аналог «Камиллы», клуб с сауной! А с осени будет и спецшкола с английским и французским для детей тех, кто предпочитает жить на берегу Клязьмы постоянно! Думаю, Марочку Илья отдаст именно туда...

– Я в таком случае сдохну там от скуки! – уверенно произнесла Лариса. – Точно сдохну... Поверишь, у меня сегодня даже мысль мелькнула: может, мне на работу вернуться?... Ну, не под начало нашей гниды, а в другой суд?.. Это ж спятишь, если заниматься только домом и детьми, тем более еще и за городом!

Велена испытующе посмотрела на нее и покачала головой:

– Знаешь, тут я тебе не советчик, это только вы с Ильей можете решить. Кроме того, от поселка до Окружной не больше получаса езды. Машина у тебя есть. Ты ведь умеешь водить?

– Да, и неплохо, просто давно за руль не садилась...

– Ничего, приспособишься. Главное – и права есть, и машина. Соскучишься за городом – столица рядом.

– Илья теперь еще позже будет приезжать, – вздохнула Лариса, еще не отдав себе отчета в том, что с его решением о переезде за город она смирилась, даже не успев выразить свой протест.

По всем официальным документам Лагутино числилось небольшой подмосковной деревенькой, тихо и мирно существующей на обрывистом берегу прихотливо петляющей реки Клязьмы, в экологически чистой лесной зоне. Более того, где-то среди соответствующих бумаг затерялось постановление, строжайшим образом запрещающее любое строительство в этих местах. Трудно сказать, знали ли о нем хозяева выросшего здесь в считанные месяцы поселка или хотя бы официальные лица, которым все это было подведомственно. Но поселок, состоящий из богатых, в два и три этажа особняков в основном красного финского кирпича, вырос. Более того, в начале строительства был обнесен таким же краснокирпичным забором, да еще и с мотками колючей проволоки наверху и обязательными видеокамерами. На въезде появилась будка охраны и металлические глухие ворота со шлагбаумом.

Местные жители поначалу решили, что поодаль от их вконец обедневшей деревеньки строится что-то вроде военного объекта. Но после, разобравшись что к чему, совсем было решились по старой советской привычке «обратиться куда надо», но... Во-первых, никто толком не знал, куда именно надо. Во-вторых, очень скоро выяснилось, что новорусский поселок для погибающего в нищете Лагутина – спасение: в выросшие за забором особняки требовалась услуга, и дело нашлось практически для всех жителей деревни, включая пьющих граждан обоего пола. Да и пьет-то русский человек, как правило, с горя, а какое тут горе – если вместо проблемного и бедно существовавшего когда-то колхоза появился реальный заработок? Молиться надо на этих «захватчиков», а не бегать по инстанциям с жалобами!

От первого визита сюда у Ларисы и впрямь осталось весьма смутное, быстро выветрившееся из памяти впечатление. Теперь же, не совсем уверенно поворачивая руль своего «феррари», она вглядывалась в окружающую действительность с куда большим вниманием. Велена с Юрочкой на руках и с на удивление молчаливой сегодня Мариной уехали в Илюшиной «ауди», а она до Лагутина сумела добраться сама, конечно, сверяясь по дороге с картой. И очень этим гордилась.

Удивительно, но в этот раз ей здесь вдруг почти понравилось.

По крайней мере, несмотря на уже начинавшуюся весну с ее раскисающими обочинами неопределенно-серого цвета, и сама трасса, и не менее чем пятикилометровая подъездная дорога, ведущая к поселку, оказались сухими, не перегруженными машинами и вообще удобными даже для столь неопытного водителя, как она.

Особняк мужа был двухэтажным, с неизбежными «новорусскими» башенками, заставившими Ларису слегка поморщиться. И, как выяснилось, не самым шикарным в поселке. «Ауди» Ильи уже была на месте: сквозь кованую ограду, напоминавшую дворцовую, Лара увидела ее, стоящую посреди мощенного плитами двора. Загонять машину в гараж он не стал – следовательно, как всегда, торопится.

Лариса развернула свой «феррари» носом к воротам и посигналила, и тут же неведомо откуда вылетел мужичонка средних лет, маленький и щуплый, в нелепо смотревшемся на нем пятнистом камуфляже. И суетливо кинулся к воротам, на ходу подобострастно улыбаясь хозяйке... Лариса косо глянула в окно со спущенным стеклом на этого карикатурного охранника и, сделав вид, что не заметила его улыбки, молча въехала во двор, припарковав машину рядом с «ауди».

В этот же момент дверь особняка, приветливо сиявшего чисто вымытыми стеклами, распахнулась и на высоком (прямо как в тереме каком-то!) крыльце объявилась Велена – тоже улыбающаяся.

«И чего они все веселятся?!» – с раздражением подумала Лариса и выбралась из машины.

– Ну наконец-то! – Велена легко пробежала по ступенькам. Она была в одном платье, несмотря на довольно холодный, почти морозный день. – Я уже волноваться начала, не случилось ли чего... Ну, хозяйшечка, пойдем!

Лариса кисло улыбнулась, почему-то припомнив, что «хозяйшечкой» этого мини-дворца она на самом деле не является: по брачному контракту в случае развода ей оставалась, да еще и при целой куче условий, квартира, а особняк сохранялся за мужем... Тьфу! О чем это она думает? Какой еще развод?!

Между тем они уже входили внутрь. И конечно, холл здесь тоже имелся, и куда просторнее, чем в городе. Только цветовая гамма вокруг была другая – в основном темно-бордовая, и мебель – светлого дерева с такого же цвета обивкой. В камине вовсю весело полыхал огонь, и все, вместе взятое, Ларису неожиданно обрадовало. В целом холл выглядел куда уютнее, чем городской, и как-то солиднее, что ли... Небольшая дверь под лестницей, ведущей на второй этаж, припомнила она, – это на кухню. Вообще, в вотчину прислуги...

Кроме этой в холл выходили еще две двери: одна скрывала за собой просторную столовую, смежную с не менее просторной гостиной, вторая вела в кабинет хозяина, к которому прилагалось что-то вроде его личной комнаты отдыха.

– Пошли сразу наверх! – Велена была впервые, наверное, за все время их знакомства действительно оживлена. Глаза блестели, на смуглых щеках проступил легкий румянец. Ото всего этого она казалась моложе и... и красивее. К слову сказать, без всякой косметики, эффект для белокурой Ларисы недостижимый.

Между тем они уже успели преодолеть два пролета лестницы, застланной таким же темно-бордовым ковром, какой красовался посреди нижнего холла, и очутились в довольно длинном и достаточно широком коридоре.

Планировка второго этажа, который Лариса по прошлому визиту вообще не помнила, оказалась незатейливой и почему-то напомнила ей обыкновенный отель. Начинаясь от лестницы коридор украшали несколько светлых дверей по его сторонам, а между ними висели какие-то картины, которые еще предстояло рассмотреть и, вполне возможно, забраковать. Точно такая же дверь виднелась и в его втором конце.

– И сколько тут комнат? – вяло поинтересовалась Лариса.

– Восемь, не считая тех, что в башнях! В одну башню ведет вот эта дверь, во вторую – та, что в конце. Хочешь подняться?

– Ой, нет, я хочу к себе... Устала как собака!

– Твой будуар и спальня – вот, прямо первая дверь слева, а мы с Юрочкой и Марочкой – в противоположном конце, во-он там... Вы же с Ильей оба спите чутко, как вороны, вот мы и

решили устроиться подальше. Кстати, комната Ильи – напротив твоей, дальше идут гардеробная, ванная, комнаты для гостей – с твоей стороны. Кажется, все! Да, двери в башни заперты – чтоб Маринка туда не лазила, вот, возьми ключи!

Лариса рассеянно опустила в карман костюма ключи и толкнула дверь своих комнат. Вошла и остановилась на пороге.

Ее здешний будуар оказался точной копией городского, даже стены были обиты в точности таким же голубым шелком. «Кажется, – подумала она, – еще немного, и я возненавижу голубой цвет навсегда!..»

Правда, спальня отличалась от городской, по крайней мере, стены тут затянули темным, кажется, кретоном, что устраивало Ларису гораздо больше.

– Ладно, я побежала, – сказала следовавшая за ней Велена, – если тебе ничего не нужно срочно... Надо помочь кухарке, она с обедом не успевает.

– Мне ничего не нужно, – сухо отозвалась Лариса, все еще не понявшая собственных ощущений: нравится ей тут или не нравится? Сможет ли она здесь вообще жить, да еще и постоянно?..

Спальня, как выяснилось, сообщалась с еще двумя комнатами: небольшой гардеробной – так же как, по словам Велены, у Ильи – и с просторной ванной-джакузи замечательного малахитового цвета.

«Сейчас же и заберусь, приду в себя!» – решила она.

Но воспользоваться ванной, один вид которой улучшил Ларисе настроение, сразу же не удалось: где-то рядом, в коридоре, за дверями, которые она не захлопнула, раздались мужские голоса: один из них принадлежал Ларисину мужу, о котором она почему-то напрочь забыла, вторым был невероятно красивый, бархатистый баритон.

Удивленная наличием постороннего, Лара развернулась и вышла в коридор, едва не столкнувшись с Ильей и высоким незнакомым мужчиной – темноволосым и темноглазым обладателем баритона.

– Приехала! Слава богу!.. – В голосе Ильи звучала неподдельная радость. Он моментально обнял жену, неловко прижав ее к себе, и тут же выпустив из объятий, повернулся к своему спутнику, вместе с которым только что вышел из своей комнаты, представлявшей, как позднее обнаружила Лариса, некую эклектическую смесь спальни с кабинетом.

– Знакомься, Сергей, это моя жена! – Он с нескрываемой гордостью представил ее, не заботясь о том, что вообще-то, в соответствии с этикетом, каким его знала она, поначалу следовало представить ей своего спутника. – А это – Сережа Красных, мой самый давний партнер!

Карие, немного насмешливые глаза, опущенные жесткими черными ресницами, густыми, словно у девицы, уставились на Лару с нескрываемым восхищением, и она вдруг ощутила прилив беспричинной радости – прежде, чем в душе ее вспыхнуло изумление: вот этот красавец брюнет, неправдоподобно элегантный, с умным лицом и явно хорошим вкусом – муж болтливой рыжей Риты, оставившей в ней неизгладимое впечатление своей глупостью?! Господи, и куда смотрят мужики, когда женятся?!

Она едва не выдала вслух свое изумление, но вовремя спохватилась и сумела всего лишь улыбнуться Сергею одной из своих самых завлекательных улыбок.

– Рада познакомиться, – мягко произнесла Лариса и перевела вопросительный взгляд на мужа, сделав для этого над собой усилие: на лицо Красных было очень приятно смотреть, партнер мужа оказался, что называется, «в ее вкусе», и случись встреча и знакомство с ним до ее замужества, уж она бы своего точно не упустила!..

«Ну почему, почему всем этим рыжим выдрам так везет?!» – Лариса с некоторым сожалением посмотрела на Илью и заставила себя вслушаться в его слова.

– Надеюсь, мы тебе не помешаем? Места, по-моему, всем хватит!

Она нахмурилась и помотала головой:

– Извини, ты о чем? Я с дороги еще не пришла в себя, знаешь, как трудно за рулем после... после такого перерыва? – Лара вовремя вспомнила, что в свое время наврала Илье, тогда еще жениху, что когда-то у них с матерью была своя машина и квартира в центре. На самом деле права она получила исключительно потому, что у них на юридическом это требовалось наравне со сдачей зачетов и экзаменов, и с тех пор ездила лишь несколько раз – на машинах своих кавалеров...

– Бедная, бедная моя девочка, – засюсюкал муж, словно над Юрочкиной колыбелью. – Тебе нужно немного поспать, сейчас пообедаем – и ложись, отдыхай... Я сказал, что Сергей проведет у нас пару дней, мы должны с ним разработать один проект. Но мы будем заниматься делами внизу, и тебе, кошечка, не помешаем! Ведь не помешаем?..

– Ну конечно нет! – Лариса вновь посмотрела на Сергея, лучезарно улыбнувшись ему и ощутив, как ее сердце забилось быстрее положенного, но вовсе не от дурацкой тахикардии, а от абсолютно беспричинной радости. Хотя за секунду до этого ей хотелось придушить Илью, не сходя с места, за его интимное «кошечка».

– Кроме того, – произнесла она, вновь нехотя поворачиваясь к мужу, – мне еще не семьдесят лет, чтобы спать днем. Возможно, просто отдохну, чтобы... чтобы вам не мешать...

– Обед на столе! – в конце коридора появилась все еще раскрасневшаяся Велена, слегка запыхавшаяся от подъема по лестнице. – Прошу всех вниз, в столовую!..

Вот теперь-то Ларисе стало ясно, почему няня так оживлена! Она посмотрела на Велену почти с завистью: уж Велена-то может кокетничать с Сергеем сколько влезет – в отличие от нее, Ларисы, она свободна...

«Зато он не свободен! – возразила Лара тут же сама себе. – Хотя его рыжая дурища вряд ли выдержит сравнение с Веленкой. А со мной? Господи, о чем я думаю? При чем тут я? Ни при чем! Это я исключительно от скуки... И от депрессии. Не хватало еще наставить Илюше рога с его же партнером!»

Тем не менее во время обеда она была необыкновенно, ничуть не меньше Велены, оживлена, кокетлива и – остроумна. Словно и не было никакой послеродовой депрессии и беспричинной тоски... Может, и правда не было?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.